МЕЖВУЗОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС

ВЫСШАЯ ШКОЛА:
НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

Коллектив авторов

Сборник научных статей по итогам работы

Межвузовский международный конгресс

ВЫСШАЯ ШКОЛА: НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Москва, 2026

ББК 65

В42

Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 20 августа 2026 г.). / Отв. ред. Д. Р. Хисматуллин. — Москва: Издательство Инфинити, 2026. — 84 с.

В42

DOI 10.34660/INF.2026.22.86.064

Сборник составлен по итогам работы Межвузовского научного конгресса. Включает в себя доклады российских и зарубежных представителей высшей научной школы, в которых рассматриваются современные научные тенденции, новые научные и прикладные решения в различных областях науки, практика применения результатов научных разработок. Служит инструментом обмена опыта научных работников, апробации исследований путем их публичного обсуждения.

Предназначено для научных работников, профессорско-преподавательского состава, соискателей ученой степени и студентов вузов.

Все статьи, представленные в сборнике, проходят процедуру рецензирования. Рецензирование осуществляется членами редакционной коллегии и приглашенными экспертами по соответствующим научным направлениям.

ББК 65

© Издательство Инфинити, 2026
© Коллектив авторов, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Исследование акцессорного циркона из таллыкольских кварцитов Бечасынской зоны Кавказа с помощью ионного зонда
Герасимов Владимир Юрьевич *7*

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Циркадный ритм потребности миокарда в кислороде в зависимости от возраста при тяжелой почечной недостаточности детей
Мухитдинова Хура Нуритдиновна, Рахимова Сурае Рузметовна, Абдуллаев Рустам Тулкунович *19*

Организация хирургической стоматологической помощи в современных условиях
Халиуллина Айгуль Айдаровна *29*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Diagnosing conflicts in international companies: the regional context
Ershova Natalya Anatolyevna. *35*

Инновации в России: виды и трудности создания
Еремин Максим Павлович, Кузнецова Юлия Александровна *43*

Особенности экспорта продукции лесопромышленного комплекса в современных условиях
Стенькина Елизавета Алексеевна. *51*

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Образование как мотивационный фактор деятельности молодых предпринимателей в Саратовской области
Горячева Анастасия Федоровна *56*

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Тенденции развития современной прозы о войне
Азевич Ирина Петровна. *66*

Формирование смыслового чтения как основа развития
метапредметных компетенций учащихся 5–9 классов в условиях
подготовки к ОГЭ по русскому языку
Савгира Инга Николаевна *70*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Западная цивилизация и ее характерные черты
Филимонов Александр Григорьевич. *76*

Геокультурный поворот в международных отношениях:
коммуникативные стратегии в эпоху цивилизационного плюрализма
Бекова Милана Абукаровна *81*

DOI 10.34660/INF.2026.20.48.031

ИССЛЕДОВАНИЕ АКЦЕССОРНОГО ЦИРКОНА ИЗ ТАЛЛЫКОЛЬСКИХ КВАРЦИТОВ БЕЧАСЫНСКОЙ ЗОНЫ КАВКАЗА С ПОМОЩЬЮ ИОННОГО ЗОНДА

Герасимов Владимир Юрьевич
кандидат геолого-минералогических наук, научный сотрудник Минералогический музей им. А. Е. Ферсмана Российской академии наук

Аннотация. *Получены новые данные по цирконометрии кристаллического фундамента Северного Кавказа. В структуре Бечасынской зоны, в кварцитах таллыкольской свиты чегемской серии, в бассейне р. Малка обнаружены цирконы протерозойского и кембрийского возраста. На электронном и ионном зонде была исследована химическая зональность и U-Th-Pb изотопная система акцессорного циркона из этих метаморфических горных пород и получен широкий возрастной спектр датировок детритового циркона в диапазоне 530–1650 Ма (млн лет). Небольшой статистический максимум датировок циркона отмечается в области кластера с возрастом окол 540 Ма. Очевидно, что самые молодые датировки зерен циркона отражают только возраст протерозойского и кембрийского магматизма в регионе Палео-Кавказа. Продукты этого магматизма участвовали в формировании вулканогенно-осадочного комплекса пород Бечасынской зоны в раннем палеозое, а затем были подвергнуты низкотемпературному региональному метаморфизму фации зеленых сланцев. В результате метаморфических преобразований в середине палеозоя из кварцевых песков и песчаников сформировались кварциты таллыкольской свиты, а изотопная система циркона осталась практически без изменений. Высокая конкордантность самых молодых датировок циркона указывает на отсутствие существенных потерь радиогенного свинца в ходе палеозойского метаморфического события. Таким образом, первичным источником циркона шаукольских сланцев были в основном магматические породы позднего протерозоя и кембрия, а сами кварциты окончательно сформировались только в середине палеозоя.*

Ключевые слова: *изотопная геохронология, акцессорный циркон, минералогия, цирконометрия, метаморфизм, кварциты, тектоника, Кавказ, сланцы, магматизм, кембрий, палеозой, уран.*

Введение. Большой Кавказ – высокогорный складчато-надвиговой пояс, расположенный в пределах структур южного обрамления Восточноевропейской платформы. В современной альпийской структуре мегантиклинория Большого Кавказа выделяют несколько тектонических зон, которые разделены крупными региональными разломами субширотного простирания (рис. 1). Самый крупный из них, это Главный Кавказский разлом (ГКР), который отделяет структуры Южного склона от зоны Главного хребта (ЗГХ).

Кристаллический фундамент Большого Кавказа принято делить на инфра и супраструктуру (Баранов, 1987; Греков, Лаврищев, 2002). Инфраструктура слагает нижний структурный этаж фундамента и представлена гнейс-мигматитовым комплексом со сложной системой пластических деформаций и складчатостью различного порядка. Верхний структурный этаж супраструктуры представлен гнейсо-сланцевым комплексом пород, для которого характерна более пологая фолиация, хрупкие деформации и срывы. Тектонезированные контакты между сланцевым и мигматитовым комплексами на Кавказе часто залечиваются постметаморфическими гранитами в позднем карбоне. Такая картина в основном характерна для зоны Главного хребта Большого Кавказа. В Бечасынской зоне мигматизация практически отсутствует, и преобладают элементы супраструктурных комплексов. При этом широко проявлен гранитный магматизм палеозойского возраста. Крупные интрузии гранитов каменноугольного возраста прорывают кристаллические сланцы и формируют обширные термальные контактовые ореолы. В зоне Скалистого хребта, в каньоне р. Малка вскрыт крупный массив альпинотипных гипербазитов. Возраст этой протрузии серпентинитов считается докембрийским (Шенгелиа и др., 1991).

Данные палеогеографического анализа показывают, что на позднепалеозойском этапе развития Кавказа, Бечасынская зона представляла собой область поднятия и денудации, но уже к началу юрского периода она стала испытывать погружение, с образованием в этой области мелководных морских бассейнов и угленосных толщ (Шенгелиа и др., 1991).

Долгое время считалось, что возраст кристаллического основания Кавказа протерозойский и даже архейский (Герасимов, 1929). Однако последние исследования (Somin, 2011; Герасимов и др., 2010; 2020; Герасимов, 2025) указывают на то, что протометаморфический субстрат, в основном, имел палеозойский возраст, и только возраст источников сноса вещества при накоплении осадков, в ряде случаев, был докембрийским. Но, есть и исключения,– недавно докембрийские древние источники сноса вещества были обнаружены непосредственно в структуре кристаллического фундамента Большого Кавказа, в виде тектонических останцев. На Западном Кавказе, в структуре Блыбского метаморфического комплекса были продатированы метагранитоиды, для

которых, возраст кристаллизации цирконов магматической стадии соответствует позднему венду,– 550–570 Ма (Камзолкин и др., 2018).

Таким образом, вопрос о возрасте кристаллического фундамента и регионального метаморфизма на Кавказе остается дискуссионным. В этой связи цирконометрия и изотопное датирование пород фундамента этого горного сооружения является актуальной и приоритетной задачей геологических исследований.

Для определения возраста северных выходов кристаллического фундамента Кавказа были проведены исследования кварцитов и сланцев Бечасынского метаморфического комплекса в бассейне р. Малка. Результаты исследования U-Th-Pb изотопной системы акцессорного циркона из этих пород рассматриваются в данной работе.

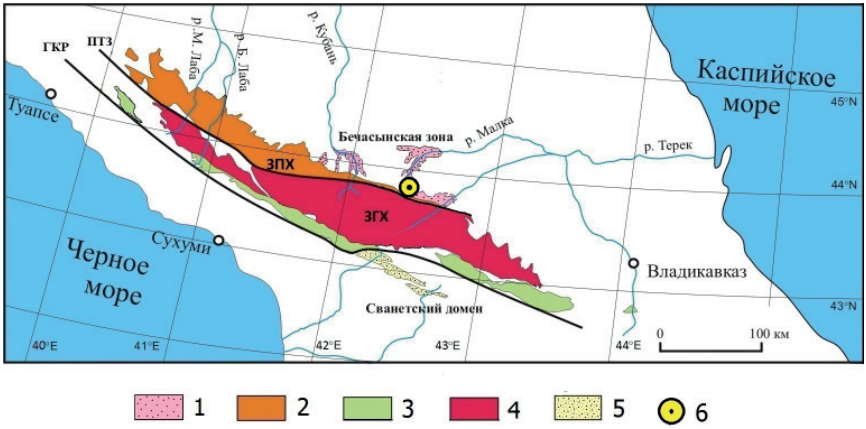


Рисунок 1. Схема тектонического районирования Большого Кавказа с выходами палеозойского кристаллического фундамента. Мезозойско-кайнозойские комплексы Большого Кавказа не окрашены. Район отбора пробы № 538 из таллыкольских кварцитов Бечасынской зоны, в бассейне р. Малка (Северное Приэльбрусье) обозначен желтым пуансоном. Северокавказский домен: 1 – Бечасынская зона, 2 – зона Передового хребта (ЗПХ). Зона Главного хребта (ЗГХ): 3 – Перевальная подзона, 4 – Эльбрусская подзона. Сванетский домен: 5 – Дизская серия (Сванетский антиклинорий). 6 – район работ. ГКР – Главный Кавказский разлом, ПТЗ – Пшекиш-Тырныаузская шовная зона.

Геологическая ситуация. Район исследований находится на северных склонах Кавказа на Бечасынском плато, которое географически является водоразделом между Тереком и Кубанью (рис. 2). С севера плато

ограничено зоной Скалистого хребта, который представляет собой моноклиналь, сложенную мезозойскими осадочными породами. С юга плато ограничено зоной Передового хребта (ЗПХ), которая представляет собой грабен-синклинорий, сложенный вулканогенно-осадочным комплексом пород палеозойского возраста с фрагментами офиолитов, зон высокобарного метаморфизма (зон палеосубдукции), и так же зональных региональнометаморфических комплексов с проявлениями надсубдукционного магматизма. Кристаллическое основание Бечасынской зоны вскрыто фрагментарно в пределах Карачаево-Черкесского антиклинория, в долинах рек: Кубань, Малка, Баксан, Чегем. В основном это слабо метаморфизованные породы: метапесчанники, метавулканиты, туфы, кварциты, серецит-хлоритовые сланцы и гнейсы, иногда встречаются амфиболиты. Принято считать, что кристаллиникум Бечасынской зоны является структурным продолжением Скифской плиты (Шенгелиа и др., 1991).

Таллыкольская свита чегемской серии Бечасынского метаморфического комплекса так же представлена продуктами зеленосланцевого метаморфизма. Среди них доминируют плитчатые кварциты, реже встречаются прослои мусковит-хлоритовых сланцев. Недавно был определен возраст детритового циркона из шаукольских сланцев чегемской серии Бечасынской зоны. Среди них преобладают датировки позднего протерозоя и раннего кембрия (Герасимов, 2025).

Рисунок 2. Вид на северные склоны Эльбруса, Передовой хребет и долину р. Малка с Бечасынского плато (высота 2300 м). Дневная поверхность плато сильно задернована.

Проба на цирконометрию № 538 была отобрана из таллыкольских кварцитов в левом борту долины р. Малка, непосредсвенно из обнажения в дорожном откосе на старой дороге, ведущей к источникам Джалысу (рис. 3).

Рисунок 3. Выходы плитчатых кварцитов таллыкольской свиты Бечасынского метаморфического комплекса (долина р. Малка проба № 538). В данной локации (43о30’30,56” N; 42о33’39,38” E; высота 2106 м) сланцеватость пород имееет крутое падение в юго-западных румбах.

Петрографическая характеристика кварцитов пробы № 538. Мелкозернистый плитчатый кварцит. Лейкократовая мелко-тонкозернистая, метаморфическая горная порода светло-серого цвета с гранобластовой структурой и характерной плитчатой отдельностью. Порода практически мономинеральная, более чем на 90% она состоит из кварца (Qz). Только на плоскостях рассланцевания появляются чешуйки мусковита (Ms) и хлорита (Chl). Акцессорные минералы кварцитов представлены, главным образом, минералами тяжелой фракции россыпного генезиса: – магнетитом (Mt), ильменитом (Ilm) и цирконом (Zrn). Содержание россыпных минералов (по объему) не превышает 1–2%. Циркон довольно равномерно распределен по объему породы. Он имеет вид удлиненных, округлых, бесцветных, прозрачных зерен размером 0,1–0,3 мм, с характерными оптическими свойствами,– яркими цветами интерференции и высоким показателем преломления (высокий рельеф).

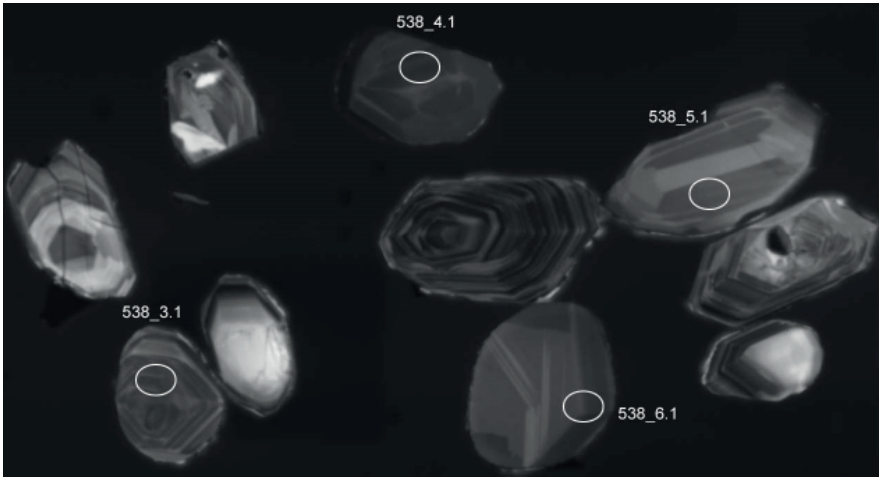
Таким образом, предварительные микроскопические исследования представленной горной породы показывают, что первичный парагенезис таллыкольских кварцитов Qtz-Ms-Chl сформировался при региональном метаморфизме в условиях хлорит-серицитовой ступени (субфации), фации зеленых сланцев (Шенгели и др., 1991). Температура регионального метаморфизма Бечасынского метаморфического комплекса, при этом, не превышала 350–400°С, а величина литостатического давления была ограничено пределом в 3–4 кбар. Образец кварцита пробы № 538 содержит достаточное количество зерен акцессорного циркона, пригодного для проведения U-Pb изотопных исследований с использованием ионного зонда.

Особенности методики изотопных исследований. Измерение изотопного состава циркона проводились на ионном микрозонде «SHRIMP-II» в Центре изотопных исследовании (ЦИИ) ВСЕГЕИ, по стандартной методике (Williams, 1998). Для исследования была отобрана фракция кристаллов циркона размером 100–200 мкм. Локальность U-Th-Pb изотопного датирования составляла при этом около 25–30 мкм. Таким образом, пространственное разрешение ионного зонда позволяло уверенно датировать отдельные зоны роста кристаллов, их центры и край.

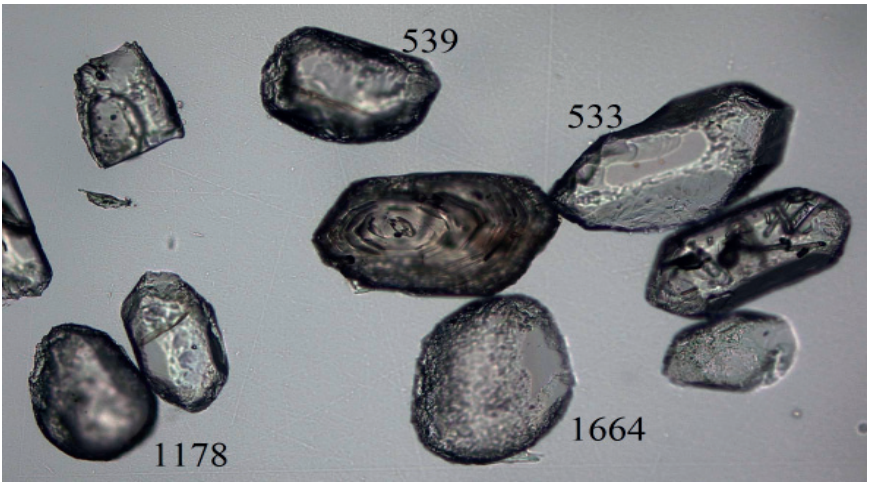
Отбор зерен циркона для анализа проводился под микроскопом. Непосредственно для датирования пробы № 538 из монофракции циркона, произвольным образом было отобрано 50 зерен разной морфологии. Большинство зерен имело удлиненную призматическую форму кристаллов циркона со следами абразии (рис. 4). Отобранные зерна монтировались в шашку вместе с эталонами и сошлифовывались примерно на половину толщины. Полученные, таким образом, срезы кристаллов циркона полировались, и их поверхность исследовалась на электронном сканирующем микроскопе CamScan

с катодолюминесцентной приставкой и камерой CS3000, при ускоряющем напряжении 13 кВ (аналитик А. В. Антонов). Изображения цирконов в катодолюминесценции (CLI) и в отраженных электронах (BSE) позволяют определить степень неоднородности кристаллов, их зональность и наметить точки съемки для датирования на ионном зонде (рис. 4). Такой подход выгодно отличают исследования на SHRIMP от традиционных нелокальных методов датирования, даже, несмотря на относительно более низкую точность измерений. Уже на стадии пробоподготовки удается классифицировать объект не только по внешним признакам, но и по внутреннему строению кристаллов, типу химической зональности, которая непосредственно связана с физико-химическими условиями образования циркона и генезисом исходной горной породы.

Измерения на ионном зонде проводились при величине тока первичных ионов 4 нА (аналитик Падерин И. П.), в каждой точке анализа набор интенсивности массовых спектров проводилось до 5 раз, в диапазоне масс от 196 (Zr_2O) до 254 (UO). Для обработки измерений использовалась компьютерная программа SQUID (Ludwig, 2000). Расчет параметров конкордантности полученных значений возраста проводился исходя из величины погрешности 2σ. Результирующий график с конкордией (рис. 5) построены с использованием программы ISOPLOT/EX (Ludwig, 1999). Всего из 50-ти отобранных зерен циркона пробы № 538 исследовано 10 кристаллов, выполнено 10 изотопных датировок, результаты изотопных измерений возраста нанесены на диаграмму с конкордией (рис. 5).



А (CLI)



Б (ОРТ)

Рисунок 4. Изображения кристаллов акцессорного циркона из пробы № 538 (фракция 100–200 мкм) в катодолюминесценции,– кадр А (CLI) и в проходящем свете,– кадр Б (ОРТ). Участки зондирования (белые кружки) и номера точек (3.1–6.1) показаны на срезах зерен в катодолюминесценции А (CLI); U-Pb датировки в млн лет (Ма) для тех же зерен в оптике приведены на кадре Б (ОРТ). Грани и ребра кристаллов циркона сильно сглажены, имеют следы растворения и абразии. Зерна циркона имеют химическую ростовую зональность концентрического типа, которая была сформирована на магматической стадии процесса. Регенерационные метаморфогенные каймы отсутствуют.

Анализ и обсуждение результатов датирования. Изучение химической зональности кристаллов циркона в катодолюминесценции (рис. 4) позволяет (в идеальном случае) одновременно провести разбраковку зерен, сделать обоснованный (осознанный) выбор точек зондирования в соответствии со спецификой объекта и поставленной задачей. Если объект однороден (обычно это магматические породы), то датировки образуют на конкордии компактный (устойчивый) возрастной кластер, в этом случае для улучшения статистики измерений достаточно продатировать 10–12 зерен циркона.

Специальные задачи по цирконометрии осадочных бассейнов, для получения «провенанс-сигнала», обычно требуют гораздо большего количества измерений. Такие работы проводятся с целью определения палеогеографии питающих провинций. Эти исследования очень затратны и не всегда оправданы с экономической точки зрения.

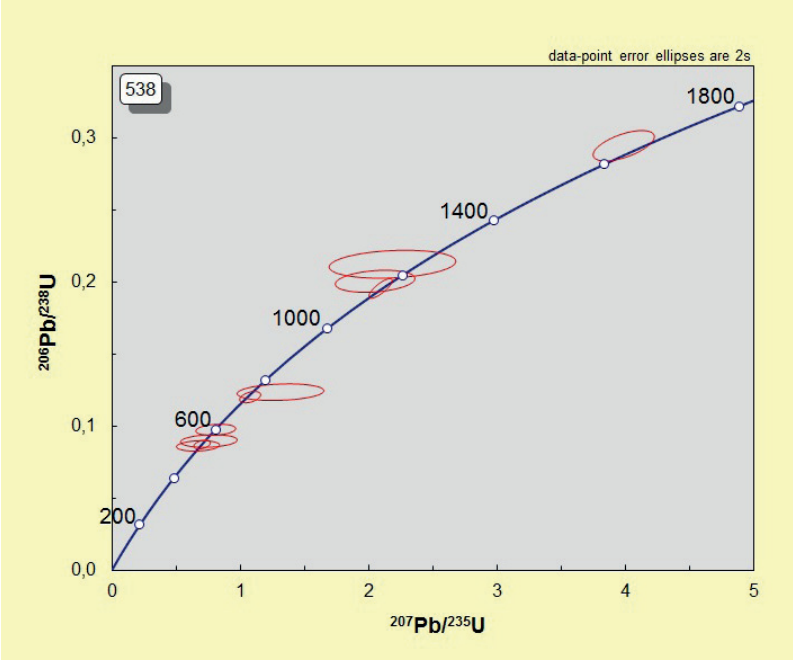


Рисунок 5. Результаты U-Pb изотопного датирования кристаллов циркона из кварцитов таллыкольской свиты (kPR2tk), пробы № 538 нанесены на диаграмму с конкордией, с табулированными значениями возраста млн лет (Ма). Датировки детритового циркона образуют широкий возрастной спектр в диапазоне 530–1650 Ма (млн лет). Небольшой статистический максимум датировок циркона отмечается в области кластера с возрастом 540 Ма. Диаметр эллипсов равен удвоенной ошибке измерения (2σ). Самые молодые датировки имеют кембрийский возраст.

В данной работе, в рамках программы научного сопровождения работ Государственного геологического картирования (ГГС-200 и др.), использовано всего 10 регламентных точек изотопного датирования, которые отводятся для определения возраста магматических и метаморфических горных пород.

Первое, что бросается в глаза в нашем случае, это то, что, практически, все зерна циркона из таллыкольских кварцитов совершенно разные. Они различаются по внешним признакам, размерам, цвету, форме, типу химической зональности (рис. 4) и содержанию радиоактивных элементов. Все это, несомненно, указывает на то, что мы имеем дело с детритовым цирконом из различных источников сноса вещества.

Вероятнее всего, исходным протолитом для кварцитов были перемытые кварцевые пески и песчаники терригенного происхождения. Глиноземистые породы и силикаты глинозема, в исследованной части Бечасынской зоны, вообще неизвестны.

Некоторые зерна циркона носят следы значительной абразии и растворения. Часть зерен представлена обломками более крупных кристаллов циркона с концентрической или секторальной зональностью. При этом большинство кристаллов циркона частично сохраняют свою исходную форму и концентрическую зональность роста кристаллов. Призматическая форма многих зерен и химическая зональность были унаследованы от магматической стадии процесса. Признаков вторичного роста кристаллов циркона или регенерационных кайм метаморфогенного происхождения не обнаружено.

Результаты изотопного датирования акцессорного цирконов пробы № 538 отражены на диаграмме с конкордией (рис. 5) с табулированными значениями возраста в млн лет (Ма). Диаграмма построена в координатах изотопных отношений свинца и урана $^{206}Pb/^{238}U$-$^{207}Pb/^{235}U$. Диаметр эллипсов на диаграмме равен удвоенной ошибке измерения (2σ). Точки датирования, в основном, лежат на конкордии и образуют возрастной спектр в диапазоне 530–1650 Ма (млн лет). Небольшой статистический максимум плотности датировок наблюдается в области кластера 540 Ма. Он характеризует только возраст кембрийского магматизма в ореолах сноса вещества питающих провинций, на стадии формирования палеозойского осадочного протолита Бечасынского метаморфического комплекса.

Весь спектр U-Pb датировок популяции исследованных зерен циркона показывает, что с середины протерозоя и до начала палеозоя в сопредельных регионах Прото-Кавказа были разнообразные проявления кислого магматизма, продукты которого накапливались в палеозойском протолите вулканогенно-осадочного комплекса Бечасынской зоны. Большинство датировок циркона пробы № 538 имеют низкую степень дискордантности. Величина дискордантности для самых молодых датировок кембрийского возраста не превышает 2–3 %. Это говорит о том, что на протяжении миллионов лет геологической истории эти кристаллы циркона оставались стабильны и не теряли свой радиогенный свинец. На стабильность U-Th-Pb изотопной системы кристаллов циркона не повлиял и палеозойский региональный метаморфизм Большого Кавказа (Герасимов и др., 2015; 2020), температурный максимум которого в этой зоне кристаллиникума Кавказа не превышал 400°-500°С.

Заключение. Таким образом, исследования популяции акцессорного циркона из таллыкольских кварцитов Кавказа показывает, что протолит Бечасынского метаморфического комплекса формировался не в докембрии, а в раннем палеозое. Спектр датировок детритового циркона из таллыкольских кварцитов

практически совпадает с результатами более ранних исследований Бечасынской зоны (Somin, 2011; Герасимов, 2025). Это говорит о хорошей воспроизводимости результатов изотопного датирования, с использованием ионного зонда. Кембрийский возраст самых молодых датировок циркона (кластер 540 Ма) характеризуют только возраст магматизма из источников сноса вещества при формировании вулканогенно-осадочного комплекса Бечасынской зоны в раннем палеозое. Возраст самого метаморфизма определялся с помощью термохронологических реконструкций. Было показано, что температурный пик палеозойского регионального метаморфизма в этой зоне кристаллиникума Кавказа приходится на рубеж силура и девона (Герасимов и др., 2015). Аналогичные изотопные датировки регионального метаморфизма характерны и для зоны Главного хребта Большого Кавказа (Герасимов и др., 2004; 2020).

Результаты данного исследования имеют, так же, важное прикладное значение. Они вносят свой вклад в создание и развитие баз данных для геологического картирования на Кавказе (ГГС-200 и др.). Еще раз следует подчеркнуть, что, несмотря на то, что большинство зерен детритового циркона из таллыкольских кварцитов демонстрирует протерозойский возраст, возраст самого протолита и регионального метаморфизма Бечасынской зоны следует считать палеозойским. Этот факт, а так же результаты других исследований (Somin, 2011; Герасимов и др., 2004; 2010; 2015; 2020; Герасимов, 2025), дают основание к частичному пересмотру региональной геологии Кавказа, где до сих пор считается, что большинство метаморфических комплексов имеет докембрийский возраст. По мере накопления новых геохронологических данных, необходимо провести коррекцию электронных баз данных геологического картирования (геоинформсистем) Кавказа и самих геологических карт.

Литература

1. Баранов Г. И. Проблема геологического строения до среднепалеозойского основания Большого Кавказа // Геология и полезные ископаемые Большого Кавказа. М.: Наука. 1987 С. 106–110.

2. Греков И. И., Лаврищев В. А. О номенклатуре, корреляции и возрасте метаморфических комплексов Центрального Кавказа // Проблемы геологии, полезных ископаемых и экологии Юга России и Кавказа. Т. 2. Новочеркасск: ЮРГТУ, 2002. С. 49–58.

3. Герасимов А. П. К вопросу о возрасте древнейших свит Северного Кавказа // Известия Геол. ком. 1929. Т. 48, № 7. С. 919–929.

4. Герасимов В. Ю., Лебедев В. А., Аракелянц М. М., Письменный А. Н. Термохронологическое моделирование возраста метаморфизма андалузитовых сланцев Кавказа \\ Тезисы докладов XVII Симпозиума по геохимии изотопов имени академика А. П. Виноградова: Москва. ГЕОХИ. 2004. с. 61–62.

5. Герасимов В. Ю., Письменный А. Н., Энна Н. Л. Цирконометрия метагранитоидов кристаллиникума Большого Кавказа. // Магматизм и метаморфизм в истории Земли. Материалы XI Всероссийского петрографического совещания. Екатеринбург: ИГГ УрО РАН. 2010. Том 1. С. 167–168.

6. Герасимов В. Ю., Гаранин В. К., Письменный А. Н., Энна Н. Л. Новые данные о проявлении мезозойского магматизма в Бечасынской зоне Большого Кавказа и оценка возраста регионального метаморфизма. // Вестн. Моск. ун-та. 2015. № 4. С. 62–73.

7. Герасимов В. Ю., Снежко В. А., Мозар Д., Письменный А. Н., Энна Н. Л., Ульянов А. А. Цирконометрия и термохронология мигматизированных гнейсов гондарайского метаморфического комплекса Большого Кавказа // Вестник Московского Университета. 2020, № 4., С. 30–44.

8. Герасимов В. Ю. Исследование акцессорного циркона из шаукольских сланцев Бечасынской зоны Кавказа с помощью ионного зонда // В сборнике: Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса. Москва, 2025. С. 153–163. DOI 10.34660/INF.2025.11.20.061

9. Камзолкин В.А, Латышев А. В., Видяпин Ю. П., Сомин М. Л., Смульская А. И., Иванов С. Д. Поздневендские комплексы в структуре метаморфического основания Передового хребта Большого Кавказа // Геотектоника. 2018. № 3. С. 42–57.

10. Шенгелиа Д. М., Кориковский С. П., Чичинадзе Г. Л. и др. Петрология метаморфических комплексов Большого Кавказа. М.: Наука, 1991. 232 с.

11. Ludwig K. R. User's Manual for ISOPLOT/EX, Version 2.10. A geochronological toolkit for Microsoft Excel. // Berkeley Geochronology Center Spec. Publ. 1999. N 1a. 2455 Ridge Road, Berkeley, CA 94709, USA, 22 p.

12. Ludwig K. R. SQUID 1.00. User's Manual. // Berkeley Geochronology Center Spec. Publ. 2000. N 2. 2455 Ridge Road, Berkeley, CA 94709, USA.

13. Somin M. L. Pre-Jurassic basement of the Greater Caucasus: Brief overview // Turkish J. Earth Sci. 2011.Vol. 20. p. 545–610.

14. Williams I. S. U-Th-Pb Geochronology by Ion Microprobe // Application of microanalytical techniques to understanding mineralizing processes // Rev. in Econ. Geol. 1998. Vol. 7. P. 1–35.

DOI 10.34660/INF.2026.20.74.135

ЦИРКАДНЫЙ РИТМ ПОТРЕБНОСТИ МИОКАРДА В КИСЛОРОДЕ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ВОЗРАСТА ПРИ ТЯЖЕЛОЙ ПОЧЕЧНОЙ НЕДОСТАТОЧНОСТИ ДЕТЕЙ

Мухитдинова Хура Нуритдиновна
кандидат медицинских наук, профессор
Центр повышения профессиональной квалификации медицинских работников
Рахимова Сурае Рузметовна
ассистент
Ташкентский государственный медицинский университет, заместитель главного врача по детству
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи
Абдуллаев Рустам Тулкунович
анестезиолог-реаниматолог
Республиканский научный центр экстренной медицинской помощи

Аннотация. *В 1 сутки отмечено повышение мещора ЦР ПМК в 1 группе на 39%, во 2 на 36%, в 3 группе на 51%. В течение первых 10 суток среднее значение мезора ЦРПМК имело наклонность к повышению на 30%, во 2 – на 24%, в 3 на 25% относительно возрастной нормы. После 11х суток в первых двух группах сохранялась тенденция к росту мезора ЦР ПМК до 140% и 124%, соответственно, в то время как в 3 группе отмечена наклонность к уменьшению мезора ЦР ПМК на 10е сутки до нормы. В остром периоде сохранялся суточный биоритм ПМК даже в тяжелом состоянии детей во всех возрастных группах. В раннем возрасте увеличение МОК сопровождается выраженной наклонностью к увеличению ПМК и развитию соответственно ишемии миокарда в первые 10 суток лечения. Функциональная зрелость в 3 группе проявилась усилением прямой зависимости УОК на изменение СрАД (0,96), исчезновением сильной прямой связи между УОК и ПМК на 11–37 сутки.*

Ключевые слова: *циркадный ритм, потребность миокарда в кислороде, почечная недостаточность, дети*

Актуальность. Чем более выражена почечная дисфункция, тем выше риск сердечно-сосудистой патологии. Почечная дисфункция – независимый предиктор кардиоваскулярной заболеваемости и смертности. Именно сердечно-сосудистые события (а не прогрессирующее ухудшение функции почек и нарушение обмена жидкостей и электролитов) являются ведущей причиной смерти больных с хронической болезнью почек (ХБП). Даже небольшая почечная дисфункция вне зависимости от этиологии значительно увеличивает риск артериальной гипертензии, ишемической болезни сердца (ИБС), сердечной недостаточности, кардиоваскулярной смерти (HOPE, HDFP, HOT, MRFIT и др.). Многие из больных с хронической почечной недостаточностью не доживают до терминальной стадии и появления потребности в диализе или трансплантации почки, погибая преждевременно именно от кардиоваскулярных событий. Для пациента с ХБП риск умереть от кардиологических проблем более чем в 20 раз выше, чем вероятность достигнуть терминальной стадии болезни. Чем более выражено нарушение функции почек, тем выше риск осложнений. При ОПН вследствие острого интерстициального нефрита, часто лекарственного генеза, в интерстиции выявляют инфильтраты, состоящие из больших и малых лимфоцитов и эозинофилов. Канальцевый эпителий местами сохраняет нормальную структуру, в других участках находят изменения, характерные для острого тубулярного некроза. В зонах выраженной инфильтрации наблюдают разобщение и полное пережатие канальцев клетками инфильтратов, в сохранившихся канальцах – дезинтеграцию базальных мембран с утечкой белкового канальцевого ультрафильтрата. Интерстициальный объем увеличен до 60% вместо 10–15% в норме. Ранее считали, что ишемическому повреждению наиболее подвержены проксимальные канальцы, однако M.Brezic и соавт. (1984), S.Rosen и соавт. (1992) и др. показали, что внешняя полоска внутренней медуллы, и в физиологических условиях функционирующая на грани гипоксии (10% почечного кровотока), не менее уязвима при нарушении кровообращения почек. В этой области расположено восходящее колено петли Генле, в котором в норме реабсорбируется до 20% профильтрованного натрия. Если потребность в энергии, необходимой для транспорта ионов, перестает соответствовать поступлению кислорода, гипоксия может усугубляться и развиваются морфологические изменения. Апикальные и базолатеральные мембраны клеток проксимальных канальцев различны в функциональном и морфологическом отношении, обеспечивая полярность клеток, поддерживаемую актином. Достаточно жесткий цитоскелет необходим для гомеостатической функции этого отдела нефрона: участки апикальной мембраны каждые 10 мин образуют эндоплазматические выросты, имеющие жидкостную и абсорбтивную фазы,

во время которых происходит поглощение веществ или удаление макромолекул из гломерулярного ультрафильтрата, а на базальной мембране расположена Na, K-АТФаза, играющая ключевую роль в процессах реабсорбции. Острый интерстициальный нефрит с явлениями ОПН на фоне приема нестероидных противовоспалительных препаратов (НПВП) нередко сочетается с массивной протеинурией. В этих случаях при морфологическом исследовании почечной ткани наряду с поражением канальцев и инфильтратами в интерстициальной ткани обнаруживают расплавление эпителиальных отростков подоцитов, причем в клеточных инфильтратах преобладают Т-лимфоциты. При *остром гломерулонефрите* ОПН имеет различный генез. У больных с нефротическим синдромом и нормальным АД она может быть связана с отеком интерстициальной ткани, повышением гидростатического давления в проксимальных канальцах и боуменовой капсуле и соответственно со снижением фильтрационного давления и клубочковой фильтрации. В ряде случаев анурия при гломерулонефрите может быть следствием обтурации канальцев белковыми массами или кровяными сгустками, например, у больных IgA-нефропатией с эпизодами макрогематурии [1–7]. Несмотря на многочисленные исследования, доказывающие, что нарушение функции почек является независимым предиктором кардиоваскулярной заболеваемости и смертности и именно сердечно-сосудистые события (а не прогрессирующее ухудшение функции почек и нарушение обмена жидкостей и электролитов) являются ведущей причиной смерти больных с ХБП в литературе недостаточно информации по оптимизации коррекции нарушений гемодинамики при тяжелой почечной недостаточности у детей. В этой связи мы попытались изучить влияние изменения потребности миокарда в кислороде (ПМК), как одного из ведущих механизмов развития ишемии миокарда с соответствующей дисфункцией при тяжелой почечной недостаточности, требовавшей экстракорпорального метода дезинтоксикации.

Цель работы. Изучить возрастные особенности циркадного ритма потребности миокарда в кислороде при тяжелой почечной недостаточности у детей.

Материал и методы исследования. Представлены данные мониторирования температуры тела, гемодинамики, системы дыхания у 26 детей с заболеваниями, осложнившимися обострением/острой почечной недостаточностью в фазу олиго/анурии. Комплексная интенсивная терапия включала наряду с этиопатогенетической терапией протезирование функции дыхательной и мочевыделительной систем. Непрерывное почасовое мониторирование осуществляли в трех возрастных группах. В 1 группу включили детей в возрасте 0,8±0,2 лет, мальчиков 8, девочек 6. Во 2

группе изучали данные обследования пациентов в возрасте 4,5±1,1 года (3 мальчика, 1 девочка). В 3 группе изучены данные детей в возрасте 13,9±3,2 лет, из них 3 мальчика, 5 девочек. В 1 группе были выявлены: пневмония, очаговая-2, полисегментарная-2, двусторонняя, осложненная у 2 Сепсисом, СПОН, острым повреждением почек в стадии олигоанурии –3, ГУС-1, токсико-метаболической энцефалопатией –3, ОДН- 2–3 степени –5. Фон у 4 детей: поликистоз почек, врожденный нефротический синдром, нефромегалия, ОКИ в стадии реконвалесценции. Во 2 группе почечной недостаточности сопутствовали пненвмонии-2, тромбоз правого венозного синуса –1, нефротический синдром-2, единственная правая почка (состояние после левосторонней нефрэктомии в связи с злокачественным новообразованием), острый нефрит –1, эпилепсия –1. В 3 группе диагностированы – системная красная волчанка – 3, гемофилия – 1, пневмония- 6, сепсис- 3, рабдомиолиз, осложненный ОПН – 1, острый нефрит – 1, ХПН в стадии обострения-6, СПОН-2, ВПР- единственная почка –1. Всем пациентам проведены сеансы Экстракорпорального очищения крови (ЭКОК). Возрастное различие заключалось в продолжительности комплексной интенсивной терапии, пациенты 1 группы (14 детей) находились в ОРИТ в среднем 14,2±12,2 суток, 2 группы (9,1±1,3 сут), 3 группы на 41 % меньше, чем в 1 группе. Пациентам 1 группы проведено 11±7 сеансов, во 2–4±1,5, в 3–6±1,7 сеансов, то есть на 45 % меньше, чем в 1 группе. До поступления в клинику все пациенты получали терапию, направленную на лечение основного заболевания, инфекции, острого гломерулонефрита, острой кишечной инфекции.

Результаты и их обсуждение. Исходно в 1 группе в течение первых 10 суток среднее значение мезора ЦРПМК имело наклонность к повышению на 30 %, во 2 – на 24 %, в 3 на 25 % относительно возрастной нормы (таб.1), После 11х суток в первых двух группах сохранялась тенденция к росту мезора ЦР ПМК до 140 % и 124 %, соответственно, в то время как, в 3 группе отмечена наклонность к уменьшению мезора ЦР ПМК практически до нормы. Вявленная динамика исселудемого показателя соответствовала клиническому течению заболевания. Выявлено в 1 группе достоверное увеличение ПМК в акрофазе на 11–37 сутки на 18 % ($p<0,05$), во 2 группе на 14 % ($p>0,05$), в 3 – на 18 % ($p>0,05$). В батифазе отличие от среднесуточного уровня составило в 1 группе 16 % ($p<0,05$), во 2 группе 13 % ($p>0,05$), в 3 группе 12 % ($p>0,05$). Наиболее значительные суточные перепады ПМК выявлены в 1 возрастной группе на 11–37 сутки, составив 49±17 %, что свидетельствовало о наиболее значительной наклонности к развитию ишемии миокарда на 11–37 сутки у детей раннего возраста (рис. 1).

Таблица 1. Средние значения фазовой структуры ЦР ПМК при ОПН,%

	Мезор	В акрофазе	В батифазе	Амплитуда	Суточое колебание
1 гр 10 с	131±7	141±9	119±8	11±4	22±8
1 гр 11–37 с	143±9	169±15*	120±11*	26±11	49±17‴
1 гр 1–37 с	140±10	162±19	120±10	22±12	42±19
2 гр 10 с	124±9	142±11	104±14	18±6	39±12
2 гр 11–18 с	128±13	147±18	111±14	19±8	36±14
2 гр 1–18 с	126±11	144±14	107±14	19±7	38±13
3 гр 10 с	125±13	147±32	113±11	22±7	34±28
3 гр 11–13 с	106±12	125±7	93±12	20±5	32±8
3 гр 13 с	121±15	142±30	109±14	21±5	33±25

* – отличие лостоверно относительно показателя мезора ЦР ПМК

‴ – достоверно относительно показателя до 10х суток

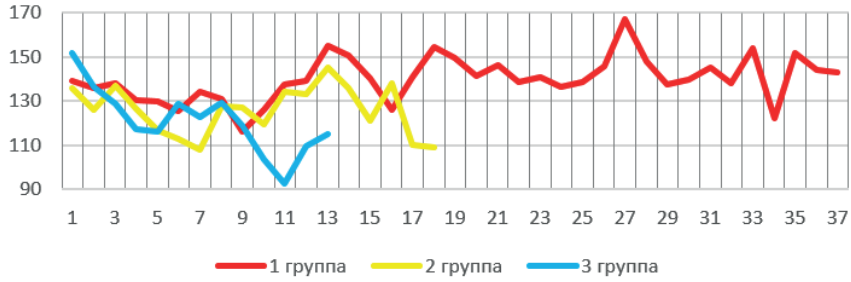


Рис. 1. Динамика мезора ЦР ПМК, %.

В 1 сутки отмечено повышение мещора ЦР ПМК в 1 группе на 39%, во 2 на 36%, в 3 группе на 51% относительно возрастной нормативных значений (таб.2). в динамике интенсивной терапии в 1 группе отмечено уменьшение ПМК на 6е, 9е сутки (на 9%, 16%, соответственно), которое оказалось неустойчивым с последующей наклонностью к увеличению до 155% на 13 и последующие дни. Таким образом, в 1 группе после 12х суток существенно повышалась ПМК, на фоне продолжающегося объема интенсивной терапии. Выявленное характеризовало усиление ишемии миокарда в более поздние сроки интенсивной терапии, что требовало дополнительных мер по поддержанию клеточного метаболизма миокарда метаболитной терапией острой митохондриальной недостаточности в связи с недостаточностью рутинной общепринятой коррекцией. Во 2 группе уменьшение ПМК выявлено на 6, 7, 17,18 сутки интенсивной терапии на 17%, 20%, 21%, 20%

(p<0,05, соответственно). В 3 группе снижение мезора ЦР ПМК выявлено на 6,7,10,11,12 сутки на 22%, 23%, 31%, 38%, 28% (p<0,05, соотвенно). То есть, в 3 группе уже на 10е сутки отмечена стабильная нормализация мезора ЦР ПМК. Уже на 4е сутки выявлена более значительная положительная динамика, выражавшаяся в уменьшении ПМК относительно показателя в 1 группе на 10%, на 11е сутки на 32%, на 12–22%, на 13е сутки на 25,8%. Причиной такого различия в эффективности рутинной интенсивной терапии является не только возрастная анатомофункциональная зрелость, но и отсутствие сопутствующих врожденных аномалий развития, значительно уменьшающих иммунорезистентность, способствующих дисфункции других органов и систем, ингибирующих адаптивные возможности растущего организма, отягощающих прогноз тяжелого заболевания в раннем возрасте.

Таблица 2. Динамика мезора ЦР ПМК, %.

Дни	1 группа	2 группа	3 группа
1	139±8	136±11	151±29
2	136±5	126±11	137±5
3	138±6	137±10	129±7
4	130±6	126±6	117±6* ^
5	130±4	116±13	116±4*
6	126±4*	113±6*^	129±4
7	134±9	108±12*^	123±4
8	131±8	128±11	130±14
9	116±5*	127±9	119±10
10	126±7	120±14	104±8*
11	137±7	134±16	93±8*^
12	139±11	133±9	109±7*^
13	155±9	145±13	115±10^
14	150±8	136±8	
15	140±12	121±8	
16	126±11	138±8	
17	141±16	110±4*	
18	155±15	109±15*	

* – динамика достоверна относительно показателя в 1 сутки.

^ – отличие достоверно относительно показателя в 1 группе.

Подтверждением сравнительно высокой по отношению к другим возрастным группам повышения стрессовой реакции среднесуточного уровня ПМК в раннем возрасте относительно 2 и 3 групп в более поздние сроки

интенсивной терапии выявлено увеличение средней амплитуды ЦР ПМК на 13 % и 5 %, соответственно (рис. 2). Возрастные различия размаха суточных колебаний с 33±10 % (2 группа), 38±10 % (3 группа) до 42±14 % в 1 группе подтвердили данное утверждение (рис3).

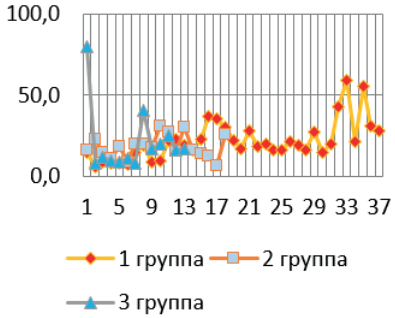


Рис. 2.Аамплитуда ЦР ПМК,%.

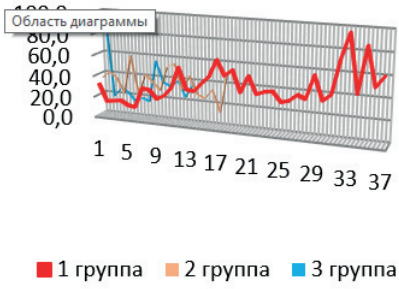


Рис. 3. Суточные колебания ПМК,%.

Таблица 3. Сравнительная оценка СЦР ПМК по возрасту, %.

Часы	1 гр до 10 с	1 гр 11–37 с	2 гр до 10 с	2 гр 11–18 с	3 гр до 10 с	3 гр с 11 до 13 с		
группы	1	2	3	4	5	6	P2–6	P4–6
8	133±11	145±13	134±12	136±20	141±33	107±13	<0,05	>0,05
9	133±9	148±14	127±9	134±24	133±25	104±6	<0,05	
10	133±9	144±13	131±14	133±19	135±27	102±7	<0,05	<0,05
11	132±12	144±17	128±14	133±19	134±27	102±13	<0,05	
12	129±11	148±16	127±11	130±16	128±19	105±16	<0,05	
13	129±10	147±17	123±12	127±16	123±15	107±15	<0,05	
14	129±8	142±15	128±13	129±14	124±12	105±19	<0,05	
15	130±10	143±14	127±10	124±16	123±8	101±13	<0,05	
16	132±8	145±14	127±12	121±12	123±10	104±9	<0,05	
17	132±9	144±17	125±11	125±12	124±10	98±15	<0,05	
18	133±12	151±18	129±13	127±14	126±12	106±18	<0,05	
19	134±6	145±15	127±12	132±11	127±14	106±11	<0,05	<0,05
20	134±7	142±14	128±22	134±10	128±19	110±17	<0,05	
21	132±10	142±15	125±9	139±13	129±15	113±19		
22	133±10	138±15	123±9	134±11	126±12	108±11	<0,05	<0,05
23	131±9	140±16	119±15	129±19	124±11	108±17		
24	129±10	138±17	116±14	123±18	122±13	101±13	<0,05	
1	131±8	139±15	112±16	124±18	122±12	99±15	<0,05	
2	129±8	138±16	113±15	119±15	118±11	104±20		

Часы	1 гр до 10 с	1 гр 11–37 с	2 гр до 10 с	2 гр 11–18 с	3 гр до 10 с	3 гр с 11 до 13 с		
группы	1	2	3	4	5	6	P2–6	P4–6
3	126±7	139±19	115±16	121±21	117±12	101±22		
4	126±6	143±20	116±15	124±20	117±12	107±12	<0,05	
5	125±6	144±11	122±12	123±20	122±14	108±13	<0,05	
6	128±7	145±12	123±10	126±18	123±13	109±6	<0,05	
7	130±8	145±13	120±9	135±17	122±12	117±12	<0,05	

Как представлено в таб.3, после 11х суток интенсивной терапии выявлен уровень суточного колебания СЦР ПМК в 3 группе (105±3%), во 2 группе (128±5%) относительно 1 группы (143±3%) (рис. 5). В первые 10 суток выявленное различие было недостоверным, хотя обращала внимание физиологичная синусоида ЦР ПМК с акрофазой 8–9 часов, батифазой в 1–4 часа ночи. То есть в остром периоде в условиях традиционной коррекции нарушений гомеостаза сохранялся суточный биоритм ПМК даже в тяжелом состоянии детей во всех возрастных группах (рис. 4).

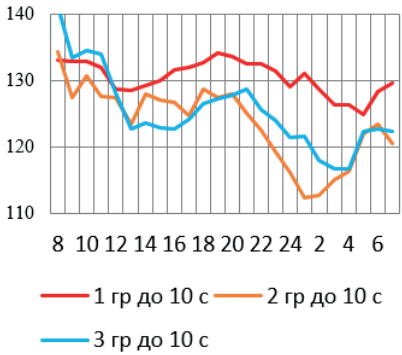


Рис. 4. СЦР до 10 суток,%.

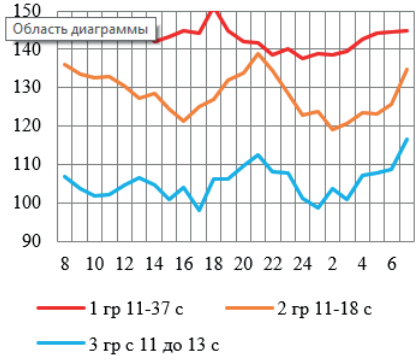


Рис. 5. СЦР после 11х суток,%.

Наиболее продолжительная инверсия ЦР ПМК отмечена в первые 10 суток в 1 (40%), и 2 группе (40%) (таб.4).

В первые 10 суток сильная прямая связь ПМК и СРАД (0,74) в 3 группе составила (0,33) (рис. 6). Прямая зависимость ПМК от МОК (0,62) свидетельствовала, что в раннем возрасте увеличение МОК сопровождалось выраженной наклонностью к увеличению ПМК и развитию соответственно ишемии миокарда в первые 10 суток лечения. Функциональная зрелость в 3 группе проявилась усилением прямой зависимости УОК на изменение СрАД (0,96), исчезновением сильной прямой связи между УОК и ПМК на 11–37 сутки, составившей в 1 группе 0,94, а в 3 группе (0,07) (рис. 7).

Таблица 4. Инверсия ЦР ПМК.

	9–11 ч	12–22 ч	23–8 ч
1 гр 1–10 д	30 %	30 %	40 %
1 гр 11–37 д	22 %	43 %	35 %
2 гр 1–10 с	10 %	50 %	40 %
2 гр 11–18 с	14 %	58 %	28 %
3 гр 1–10 дн	40 %	40 %	20 %
3 гр 11–13 дн	0	67 %	33 %

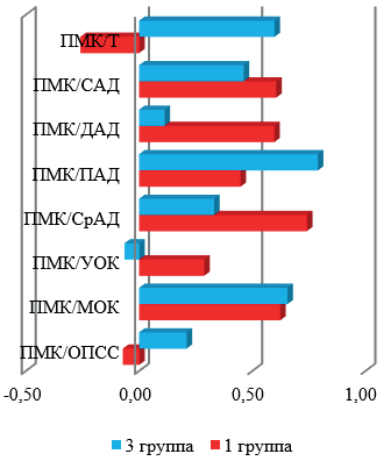


Рис. 6.Корреляционные связи до 10х суток.

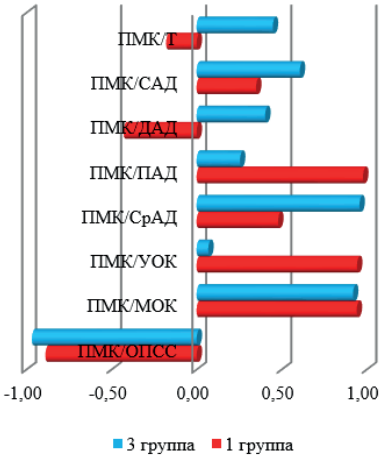


Рис. 7. Корреляционные связи после 11х суток.

Вывод. В 1 сутки отмечено повышение мещора ЦР ПМК в 1 группе на 39 %, во 2 на 36 %, в 3 группе на 51 %. В течение первых 10 суток среднее значение мезора ЦР ПМК имело наклонность к повышению на 30 %, во 2 – на 24 %, в 3 на 25 % относительно возрастной нормы. После 11х суток в первых двух группах сохранялась тенденция к росту мезора ЦР ПМК до 140 % и 124 %, соответственно, в то время как в 3 группе отмечена наклонность к уменьшению мезора ЦР ПМК на 10е сутки до нормы. В остром периоде сохранялся суточный биоритм ПМК даже в тяжелом состоянии детей во всех возрастных группах. В раннем возрасте увеличение МОК сопровождается выраженной наклонностью к увеличению ПМК и развитию соответственно ишемии миокарда в первые 10 суток лечения.

Функциональная зрелость в 3 группе проявилась усилением прямой зависимости УОК на изменение СрАД (0,96), исчезновением сильной прямой связи между УОК и ПМК на 11–37 сутки.

Источники.

1) https://www.eurolab-portal.ru/encyclopedia/565/44152/
2) http://www.grsmu.by/files/file/university/cafedry/hiryrgicheskih-boleznei-
3) 3) https://moluch.ru/conf/med/archive/240/11865/#google_vignette
4) http://www.mif-ua.com/archive/article/1549
5) https://library.mededtech.ru/rest/documents/nonr_19/
6) https://meduniver.com/Medical/Physiology/lechenie_opn_u_detei.html
7) https://nephro-portal.ru/materials/
ermolenko-v-m-ostraya-pochechnaya-nedostatochnost-nefrologiya-2000/

DOI 10.34660/INF.2026.21.30.108

УДК 616.31–089–082

ОРГАНИЗАЦИЯ ХИРУРГИЧЕСКОЙ СТОМАТОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Халиуллина Айгуль Айдаровна
кандидат медицинских наук, ассистент
Казанский государственный медицинский университет,
Казань, Россия
ORCID ID: 0000–0001–8790–5096

Аннотация. *В статье рассматриваются актуальные вопросы организации хирургической стоматологической помощи в Российской Федерации на современном этапе. Анализируются факторы, влияющие на качество и доступность специализированной медицинской помощи, включая внедрение цифровых технологий, изменение нормативно-правовой базы и рост требований пациентов. Особое внимание уделено необходимости совершенствования маршрутизации пациентов, повышению квалификации кадров и оптимизации процессов в условиях частно-государственного партнерства.*

Ключевые слова: *хирургическая стоматология, организация здравоохранения, стоматологическая помощь, цифровизация, качество медицинской помощи, стандарты оказания помощи.*

Abstract. *The article examines current issues of organizing surgical dental care in the Russian Federation at the present stage. The factors influencing the quality and accessibility of specialized medical care, including the introduction of digital technologies, changes in the regulatory framework, and growing patient requirements, are analyzed. Special attention is paid to the need to improve patient routing, enhance staff qualifications, and optimize processes in the context of public-private partnerships.*

Keywords: *surgical dentistry, healthcare organization, dental care, digitalization, quality of medical care, standards of care delivery.*

Введение

Хирургическая стоматология является одним из ключевых разделов стоматологической науки и практики, обеспечивающим лечение воспалительных процессов, новообразований, травм челюстно-лицевой области, а также подготовку к ортопедическому и ортодонтическому лечению [4]. В современных условиях организация стоматологической помощи претерпевает значительные изменения, обусловленные как технологическим прогрессом, так и трансформацией социально-экономической среды [1].

Современная модель здравоохранения требует не только высокого профессионализма врача, но и эффективного менеджмента, способного обеспечить пациенту своевременную, качественную и безопасную помощь. Вопросы организации хирургической стоматологической помощи охватывают широкий спектр аспектов: от материально-технического оснащения кабинетов до разработки алгоритмов взаимодействия между специалистами различных уровней.

Цель данной статьи – проанализировать текущее состояние и определить перспективные направления совершенствования организации хирургической стоматологической помощи в современных условиях.

Актуальность проблемы

В последние десятилетия наблюдается рост заболеваемости патологиями челюстно-лицевой области, требующими хирургического вмешательства. Это связано с экологическими факторами, изменением структуры питания, повышением травматизма, а также увеличением продолжительности жизни населения, что влечет за собой необходимость санации полости рта у пациентов с сопутствующими соматическими заболеваниями [7].

Современные условия характеризуются высоким уровнем конкуренции между лечебными учреждениями, ростом правовой грамотности пациентов и жесткими требованиями к качеству предоставляемых услуг [6]. В связи с этим, организация работы хирургического стоматологического отделения должна базироваться на принципах доказательной медицины, внедрении инновационных технологий и пациентоориентированности [9].

Материально-техническое оснащение и стандартизация

Основой эффективной организации хирургической помощи является соответствие материально-технической базы утвержденным стандартам оснащения [1]. Современный хирургический кабинет – это не только кресло и набор инструментов, но и высокотехнологичное оборудование: дентальные томографы, физиодиспенсеры, лазерные установки, аппараты для пьезохирургии [5].

Стандартизация оказания помощи играет ключевую роль. Клинические рекомендации и протоколы лечения, разработанные профессиональными ассоциациями, должны лежать в основе деятельности каждого врача [10]. Соблюдение стандартов обеспечивает унификацию подходов к лечению, что

гарантирует предсказуемость результата и снижает риск возникновения осложнений. В современных условиях обязательным является использование принципов инфекционного контроля, что требует строгого соблюдения требований СанПиН, наличия современного стерилизационного оборудования и систем индивидуальной защиты [4].

Цифровизация хирургической стоматологии

Цифровые технологии стали неотъемлемой частью современной стоматологии [8]. Внедрение компьютерной томографии (КТ) и конусно-лучевой компьютерной томографии (КЛКТ) позволяет проводить точную диагностику, планировать хирургические вмешательства, в том числе дентальную имплантацию, в 3D-формате [5].

Организация помощи подразумевает интеграцию медицинских информационных систем (МИС), позволяющих хранить данные пациентов, рентгеновские снимки и результаты исследований в единой цифровой среде [8]. Это обеспечивает преемственность лечения и возможность быстрого обмена информацией между специалистами.

Использование 3D-печати для создания хирургических шаблонов значительно повышает точность имплантации и снижает травматичность операций [5]. Применение цифровых протоколов (CAD/CAM) позволяет сократить время лечения и повысить удовлетворенность пациентов [9].

Кадровое обеспечение и повышение квалификации

Кадровый потенциал – главный ресурс любой медицинской организации. Современные требования к хирургу-стоматологу включают не только владение фундаментальными знаниями, но и постоянное совершенствование навыков.

Организация непрерывного медицинского образования (НМО) является обязательным условием. Врачи должны проходить регулярное обучение, посещать профильные конгрессы и мастер-классы. В условиях быстрого развития технологий, важно осваивать новые методики, такие как микрохирургия, костная пластика, работа с мягкими тканями.

Важным аспектом является междисциплинарный подход. Хирург-стоматолог должен тесно взаимодействовать с терапевтами, ортопедами, ортодонтами, пародонтологами [4]. Организация консилиумов, создание мультидисциплинарных команд позволяет составить оптимальный план лечения для сложных пациентов.

Маршрутизация пациентов и доступность помощи

Эффективная маршрутизация пациентов – основа доступности медицинской помощи [1]. В современных условиях необходимо оптимизировать потоки пациентов, разделяя их на плановую и экстренную помощь [7].

Внедрение систем предварительной записи (в том числе через интернет) позволяет распределять нагрузку на врачей и минимизировать время ожидания.

Особое внимание следует уделять доступности помощи для маломобильных групп населения и жителей отдаленных районов [6].

Развитие телемедицинских технологий позволяет проводить предварительные консультации, оценивать необходимость очного визита и осуществлять послеоперационное наблюдение [8]. Это особенно актуально для пациентов, проживающих за пределами крупных медицинских центров.

Управление качеством и безопасность медицинской помощи

Безопасность пациента – приоритет современного здравоохранения. Организация хирургической помощи включает внедрение системы менеджмента качества (СМК), основанной на принципах риск-менеджмента [10].

Это предполагает:

1. Оценку рисков перед вмешательством (анализ соматического статуса, аллергоанамнеза) [7].

2. Соблюдение протоколов безопасности (принцип «check-list» перед операцией) [6].

3. Мониторинг послеоперационных осложнений и их анализ [4].

Юридическая защита врача и пациента требует грамотного ведения медицинской документации [10]. Современные информационные системы позволяют автоматизировать этот процесс, обеспечивая полноту и точность записей.

Информированное добровольное согласие (ИДС) – это не формальность, а юридический документ, подтверждающий, что пациент осознает риски и последствия лечения. Организация работы должна включать тщательную работу с ИДС [10].

Частно-государственное партнерство и конкуренция

На современном этапе стоматологическая помощь оказывается как в государственных, так и в частных клиниках [1]. Частно-государственное партнерство (ЧГП) позволяет объединить ресурсы обоих секторов, повышая доступность высокотехнологичной помощи.

Конкуренция между клиниками способствует повышению качества услуг. В этих условиях ключевыми факторами успеха становятся репутация учреждения, квалификация персонала, уровень сервиса и использование современных технологий [9].

Организация работы частной клиники требует гибкости, ориентированности на запросы пациентов и активного использования маркетинговых инструментов. В то же время, государственные учреждения должны стремиться к повышению эффективности управления и модернизации материальной базы [1].

Проблемы и перспективы развития

Несмотря на активное внедрение современных технологий, существует ряд проблем в организации хирургической стоматологической помощи:

• Неравномерность оснащения клиник в различных регионах [6].

• Нехватка квалифицированных кадров, особенно в сельской местности [1].

• Высокая стоимость современного оборудования и материалов [9].

• Необходимость совершенствования системы оплаты труда хирургов.

Перспективы развития связаны с дальнейшей цифровизацией, внедрением искусственного интеллекта в диагностику, развитием регенеративной стоматологии и персонализированным подходом к лечению [5; 8].

Заключение

Организация хирургической стоматологической помощи в современных условиях – это комплексный процесс, требующий интеграции медицинских, управленческих и технологических подходов. Основой успеха является сочетание высокого профессионализма врачей, современного материально-технического обеспечения, внедрения цифровых технологий и пациентоориентированного сервиса.

Совершенствование организации помощи должно быть направлено на повышение ее качества, безопасности и доступности, что в конечном итоге способствует улучшению стоматологического здоровья населения. Соблюдение стандартов, непрерывное образование персонала и использование инновационных методик – ключевые условия функционирования эффективной хирургической стоматологической службы.

Список литературы / References

1. Алешин С. П., Иванов С. Ю. Оптимизация управления государственной стоматологической службой на региональном уровне // Экономика и менеджмент в стоматологии.– 2022.– № 2 (67).– С. 14–19.

2. Бойко В. В., Кузнецова Н. В. Непрерывное профессиональное образование как фактор повышения качества хирургической стоматологической помощи // Институт стоматологии.– 2023.– № 1 (98).– С. 22–25.

3. Вагнер В. Д., Смирнова Л. Е. Менеджмент качества в стоматологических организациях различной формы собственности // Проблемы стандартизации в здравоохранении.– 2021.– № 5–6.– С. 34–41.

4. Калининская А. А., Кулаков А. А. Организация и пути совершенствования стоматологической помощи населению России // Российская стоматология.– 2020.– Т. 13, № 4.– С. 5–11.

5. Козлов В. А., Леонтьев В. К. Цифровые технологии в амбулаторной хирургической стоматологии: опыт внедрения и перспективы развития // Стоматология.– 2022.– Т. 101, № 3.– С. 45–51.

6. Кузнецов С. В., Попова Т. А. Доступность и качество специализированной стоматологической помощи в регионах РФ // Вестник Росздравнадзора. – 2023. – № 4. – С. 62–68.

7. Мамедов Ф. Ю., Савченко Н. И. Особенности оказания хирургической стоматологической помощи пациентам пожилого и старческого возраста с сопутствующей патологией // Клиническая геронтология. – 2021. – Т. 27, № 9–10. – С. 18–23.

8. Романов А. М., Петров И. В. Медицинские информационные системы как инструмент интеграции лечебно-диагностического процесса в стоматологии // Журнал телемедицины и электронного здравоохранения. – 2022. – № 2. – С. 29–36.

9. Садовский В. В., Хамадеева А. М. Пациентоориентированный подход в стоматологическом бизнесе и государственном секторе // Маэстро стоматологии. – 2021. – № 3 (83). – С. 8–14.

10. Трезубов В. Н., Булычева. Т. Е. Юридические и клинические аспекты применения информированного добровольного согласия при хирургических стоматологических вмешательствах // Медицинское право. – 2023. – № 2. – С. 31–37.

DOI 10.34660/INF.2026.21.54.169

UDC: 331.104

DIAGNOSING CONFLICTS IN INTERNATIONAL COMPANIES: THE REGIONAL CONTEXT

Ershova Natalya Anatolyevna
Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Diplomatic Academy, MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

Abstract. *The relevance of this topic is due to the high importance of identifying and diagnosing conflict situations in international companies for their subsequent management. The goal of the diagnosis is not just to record the fact of a conflict, but to provide a basis for management decisions: to choose the most effective method of influence (negotiation, mediation, arbitration), to adjust the organization's internal procedures, and to strengthen early warning mechanisms. Diagnosing conflicts in international companies, with a focus on the regional aspect, is a complex analytical process. It is aimed at identifying the causes of tension, assessing the risks of escalation, and developing settlement strategies taking into account the specifics of a particular region. This requires comprehensive diagnostics and competent, effective management, the goal of which should be to prevent the emergence of undesirable, negative conflicts and to imbue inevitable conflict situations with a constructive character.*

Keywords: *conflict diagnosis, regional context, international company.*

Introduction

Conflict diagnosis in modern international organizations is not a one-time event, but a systematic process. The goal is not merely to state the fact of a dispute, but to deeply understand its nature, identify hidden causes, assess dynamics, and on this basis propose ways of resolution. There are key approaches and tools that exist and are employed for this purpose. [3]

The process of conflict diagnosis is necessary but at the same time complex in scope and uncertain regarding the impact of the studied conflict on its participants. Conflict diagnosis is necessary in order to understand the factors that led to the conflict situation. The primary objective of conflict diagnosis is to

acquire new and reliable knowledge regarding conflict interactions and, on this basis, to formulate practical recommendations that would effectively enhance constructive conflict management [6].

Research Methods

The following scientific methods were applied in the preparation of this article: description, analysis, synthesis, and deduction methods.

Research results

Conflict can be defined as "an activity focused on determining the essence and characteristics of a conflict based on its investigation, as well as a set of principles, techniques, and methods for studying the conflict. Conflict diagnosis involves the development of descriptive, evolutionary-dynamic, and explanatory models of the conflict" (Fig. 1) [1].

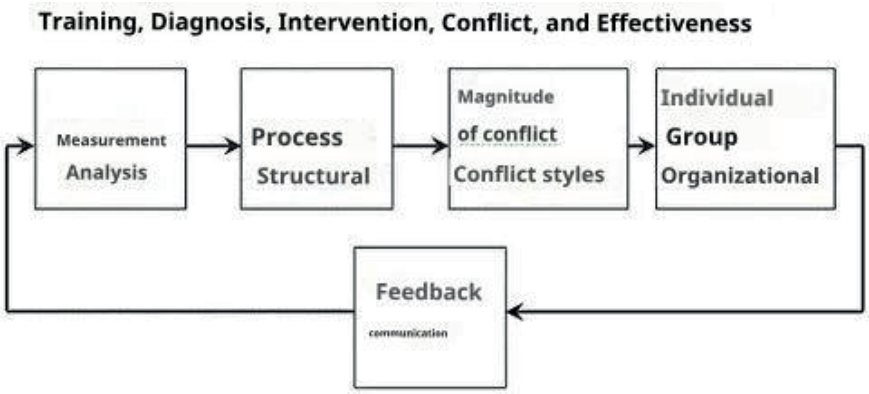


Figure 1 Conflicts in management and their regulation.

The direct process of diagnosis includes several stages:

● *Data collection.* Documents (charters, agreements, resolutions) are examined, public information (speeches by leaders, media, mission reports) is analyzed, and interviews with key participants or experts are conducted [4].

● *Analysis of structure and participants***.** The composition of actors (member states, organizational institutions, external observers), their interests, positions, and degrees of involvement are identified. It is important to determine whether internal conflicts exist between various bodies or groups within the organization.

● *Identification of causes.* The roots of the problem are sought: whether it is a clash of national interests, differences in values and cultural norms, competition for resources or influence, imperfections in decision-making mechanisms, communication problems (language barriers, mistrust). Conflict is often the result of overlapping factors [7].They assess the initial predisposition to conflict of both

parties: their disposition toward the conflict situation; how they believe the conflict should be resolved; whether the conflict was initiated by one party specifically for their own benefit, etc.

● *Assessment of stage and dynamics.* They determine which stage the conflict is at: emerging tension, peak, subsiding. This helps select the appropriate intervention strategy.

● *Analysis of consequences.* They assess how the conflict impacts the overall operation of the organization and its image.

● *Forecasting.* Based on the collected information, scenarios of development are constructed and escalation risks are assessed [3].

A set of approaches is used for diagnosis (Fig. 2):

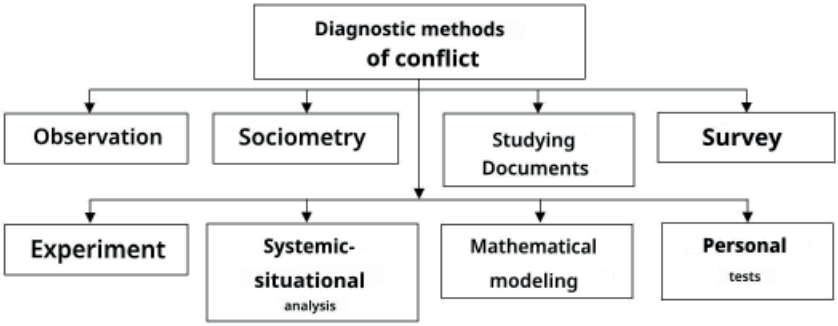


Figure 2. Conflict diagnosis methods. Source: prepared by the author based on [6].

● ***Observation*** – the most widespread and oldest method in existence. This method is applicable almost everywhere and is universal. Moreover, the observer does not require the consent of those observed or communication with them. Observation can be exploratory or investigative. If the purpose of observation is specific, then only the required factors and phenomena should be selected. In this case, an investigative, or selective, observation is conducted.

● ***Sociometry*** System-situational analysis. It allows one to consider the conflict as part of a broader system of international relations, revealing connections between elements.dissercat.comelar.uspu.ruSociometry is a psychological research method used to describe and examine interpersonal relationships within a group [11]. Sociometry allows gathering primary information about a small social group for further analysis. The main goal of sociometry is to establish relationships and interconnections among the members of the studied group. Sociometry is applicable when disagreements, disunity, quarrels, and contradictions become clearly evident within the collective. After applying this method, the collective

can be reorganized in such a way as to prevent its complete disintegration in the future. This method is applicable for small groups (12–15 people).

● ***Document analysis method***. This method involves the retrospective analysis and evaluation of information about a conflict contained in handwritten or printed texts (for example, in an employment contract, job description, etc.), on a flash drive, or any other data storage device [8]. The type of information can vary: from text to video and audio recordings. Often, when analyzing available documents, difficulties arise related to the amount of information. To address this, a research method such as quantitative analysis is employed. Using this method, it is possible to quantitatively identify features of a document that reflect its core content. For instance, one can count the number of occurrences of the words 'conflict' or 'opposition' within a given document. The advantage of this method lies in its applicability across a broad spectrum of contexts. However, the document analysis method requires careful attention, meticulousness, and continuous oversight of the observation process.

● ***The survey technique*** is currently the most common. This technique involves creating questionnaires, surveys, and interview questions for subsequent questioning of participants to obtain complete objective and subjective information from all parties. Most frequently, questionnaires and interviews are used for data collection [6]. *Questionnaire* – a survey method that consists of formulating questions to examine a specific situation. The questionnaire method is appropriate when it is necessary to gather information from a large number of respondents. *Interview* – a method in which pre-formulated questions are posed to a single subject for the purpose of data collection.

● The essence of the *experimental method* for studying conflict is that the conflict specialist models a conflict situation, preferably under laboratory conditions, observes it, and records how the participants react to the given situation.

– *matrix games*. A matrix game is a non-coalitional game between two players (i.e., an antagonistic game), where each player has a finite set of strategies. In this game, the gain of the first player equals the loss of the second player; in other words, this is the payment that the first player receives from the second. [7].

– negotiation games. In these, participants communicate with each other, seeking unilateral or mutual gains. In the case of a conflict situation, the primary task of negotiations is conflict resolution, seeking compromise, and developing an action plan.

– The third type of experimental game is coalition games. A coalition game is a game with non-opposing interests in which players can discuss their strategies before the game, negotiate joint actions, and form alliances (coalitions) to pool resources [10].

– The fourth variant of an experimental game is *social trap games*. These are game techniques based on various provocative actions that lead to an escalation of competition between opposing parties.

System-situational analysis of conflict is one of the most promising methods for conflict research. In this method, conflict is considered a socially conditioned and dynamic system, irreducible to a simple sum of its components, possessing a structure in which an element's properties are defined by its position within the structure [9]. The unit of the systemic-situational analysis method is the conflict situation, characterized by specific substantive and dynamic features, as well as temporal and spatial boundaries.

● ***Mathematical modeling and game theory.*** Used for the quantitative assessment of participants' strategies and prediction of outcomes.

Typical mathematical models used in conflictology can be identified [1]:

– Probability distributions represent the simplest method for describing variables by specifying the proportion of population elements with a given variable value.

– Statistical dependency studies constitute a class of models broadly applied for examining social phenomena. These primarily include regression models, representing the relationship between dependent and independent variables as functional relationships.

– Markov chains describe mechanisms of dynamics in distributions where the future state is determined not by the entire preceding history of the conflict, but solely by the 'present'. The main parameter of a finite Markov chain is the probability of a statistical agent's transition (in this case – the opponent's) from one state to another within a fixed time interval. Each action yields a partial gain (loss); these accumulate into the resultant gain (loss).

The most recent method of conflict diagnosis is the administration of *personality tests*. Currently, there is no universal test to determine an individual's conflict-proneness or frequency of involvement in conflict situations. Psychologists and conflict specialists utilize a series of tests that allow for the identification of certain personality traits indicating a propensity for conflict; qualitative information about hidden tensions and the perception of the situation.

Features that are important to consider during the diagnostic process. In international organizations, diagnosis is complicated by several factors:

● *Participant heterogeneity*. Different cultures, legal systems, and interests of member states create additional layers of contradictions (Fig.3).

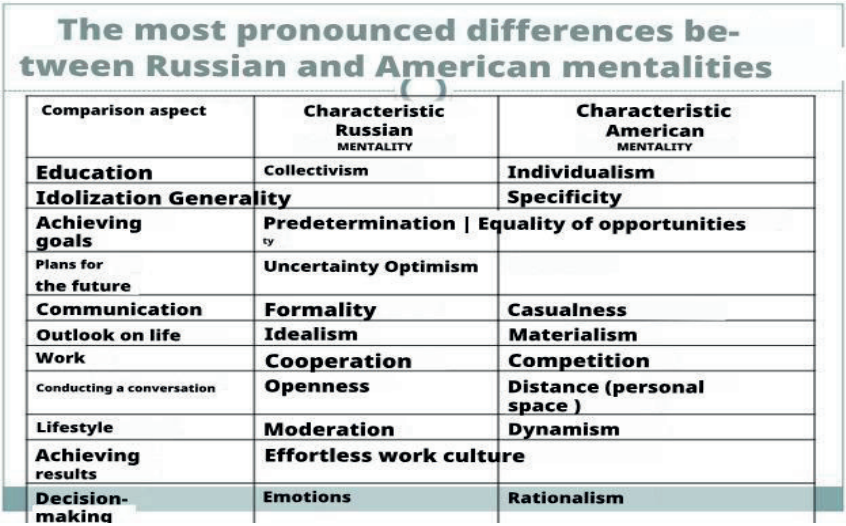
● *Institutional Specificity*. Each organization has its own rules of the game and decision-making procedures, which influence how and when conflicts arise and how they are resolved.

● *Contextual Dynamism.* External factors (global events, changes in the international system) rapidly change the background for conflicts.

● Content Analysis. Facilitates the formalization of text analysis: detecting emotionally charged formulations and recurring themes, which enables the assessment of shifts in actors' moods and positions [2].

● *Event analysis* (event analysis). Systematizes facts: who did what, towards whom, and when. This provides a picture of actual dynamics, not only statements.

● *Cognitive mapping*. Helps visualize participants' mental models: which concepts they use and what causal relationships between them they perceive [5].



The most pronounced differences between Russian and American mentalities

Comparison aspect	Characteristic Russian MENTALITY	Characteristic American MENTALITY
Education	Collectivism	Individualism
Idolization Generality		Specificity
Achieving goals	Predetermination | Equality of opportunities	
Plans for the future	Uncertainty Optimism	
Communication	Formality	Casualness
Outlook on life	Idealism	Materialism
Work	Cooperation	Competition
Conducting a conversation	Openness	Distance (personal space)
Lifestyle	Moderation	Dynamism
Achieving results	Effortless work culture	
Decision-making	Emotions	Rationalism

Figure 3 Diagnostic factor – *Participant heterogeneity*

Practical outcome

The purpose of diagnosis is not simply to recognize the existence of a conflict but to provide a basis for managerial decisions: to select an appropriate intervention method (negotiations, mediation, arbitration), adjust internal organizational procedures, and strengthen early warning mechanisms [3].

Conflict diagnosis in international organizations with a focus on the regional aspect is a complex analytical process. It aims to identify causes of conflict, assess escalation risks, and develop resolution strategies taking into account the specifics of a particular region.

The importance of the regional context

The regional aspect in conflict diagnosis considers the unique characteristics of the area: geographical, historical, economic, ethnocultural, and political. Conflicts within a single region often have deep roots and intertwine with global processes, while also possessing their own dynamics.

Key factors of regional analysis

In diagnosing conflicts at the regional level, several categories of factors are analyzed:

● *Chorological (spatio-temporal) component***.** Geographical location, borders, access to resources (water, energy), transport infrastructure, and historical territorial disputes are taken into account [3].

● *Causal component.*They identify underlying causes: ethnic and religious contradictions, power struggles, uneven resource distribution, consequences of colonial legacy.

● *Political-administrative component***.** They evaluate the effectiveness of regional institutions, governance quality, level of trust among actors, and the presence or absence of effective mechanisms for peaceful dispute resolution.

Various approaches are applied for analysis:

● **Geoinformation analysis (GIS)** – for visualizing conflict zones and identifying spatial patterns.

● **Conflict scenario modeling** – construction of development scenarios based on the combination of geographic, political, and economic parameters.

● **Cartographic method** – analysis of conflict evolution over time and space.

● **Expert evaluation and survey method**– obtaining professional judgments on causes and possible scenarios.

● **Historical-geographical analysis** – retrospective study of conflicts to identify stable patterns.

Conclusion

As a result of the study, the primary methods of conflict diagnosis were identified. Each method is unique in its own way and possesses a number of advantages and disadvantages. It should be borne in mind that for a more thorough diagnosis and analysis of the conflict situation, it is necessary to employ several methods simultaneously, since using only one method results in an incomplete picture of the existing conflict.

Therefore, conflict diagnosis in international organizations with an emphasis on the regional aspect requires a comprehensive, interdisciplinary approach. It must take into account both the unique characteristics of a specific region and the global trends affecting tension dynamics. Effective resolution is possible only when all these factors are taken into consideration and through coordinated efforts of universal and regional institutions.

References

1. Antsupov A. Ya., Shipilov A. I. Conflictology: A Textbook for Higher Education Institutions – St. Petersburg: Piter, 2015.– 528 p.

2. Degterev D. A., Belyakova E. A. Modern Technologies for the Analysis of International Conflicts // Observer. 2013, No. 1 (276). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tehnologii-analiza-mezhdunarodnyh-konfliktov (accessed: 14.08.2026).

3. Dorkaev K. S., Samotuga V. N. Conflict Management in an International Company // Economics and Management. 2024, No. 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-konfliktami-v-mezhdunarodnoy-kompanii (accessed: 14.08.2026).

4. Kelgenbaev M., Nadyrov Sh. M., Robinson J., Young S., Mazbaev O. B. GEOGRAPHY OF INTERNATIONAL CONFLICTS // Geography and Water Resources. 2026. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/geografiya-mezhdunarodnyh-konfliktov (accessed: 14.08.2026).

5. Conflict studies: a brief course of lectures for third-year students of the 38.03.02 Management program / ed. by E. V. Chernenko // Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Saratov State Agrarian University».– Saratov, 2016.– 48 p.

6. Methods for Conflict Diagnosis and Their Characteristics / StudFiles [Electronic resource].– URL: https://studfile.net/preview/2657628/page:2/ (accessed: 14.08.2026).

7. Nandagiri K. Hanumantha P. ANALYSIS OF CONFLICT MANAGEMENT PRACTICES IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL ACTIVITIES OF INTERNATIONAL COMPANIES // Science Time. 2025. No. 11 (142). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-praktiki-upravleniya-konfliktami-v-kontekste-kross-kulturnoy-deyatelnosti-mezhdunarodnyh-kompaniy (access date: 14.08.2026).

8. Observation and analysis of documents as a method for studying conflicts / Helpiks [Electronic resource].– URL: https://helpiks.org/9–19734.html.

9. The Concept of Coalitional Game / Student-Lab [Electronic resource].– URL: http://student-lab.ru/book-pages/122–31-ponyatie-koalicionnoy-igry-kniga-teoriya-igr-dlya-ekonomistov.html (accessed: 14.08.2026).

10. The Concept of Coalitional Game / Student-Lab [Electronic resource].– URL: http://student-lab.ru/book-pages/122–31-ponyatie-koalicionnoy-igry-kniga-teoriya-igr-dlya-ekonomistov.html (accessed: 14.08.2026).

11. Sociometry as a research method in psychology / Life Motivation [Electronic resource].– URL: https://lifemotivation.ru/psychology/relationship/sotsiometriya#i (accessed: 14.08.2026).

DOI 10.34660/INF.2026.21.69.115

ИННОВАЦИИ В РОССИИ: ВИДЫ И ТРУДНОСТИ СОЗДАНИЯ

Еремин Максим Павлович
ученик 10 класса
МБНОУ «Гимназия № 70»,
г. Новокузнецк, Россия
Кузнецова Юлия Александровна
доктор экономических наук, профессор
Кузбасский институт ФСИН России,
г. Новокузнецк, Россия

Аннотация. *В статье рассматривается понятие «инновации» и их классификация в соответствии с международным «Руководством Осло» (продуктовые, процессные, организационные, маркетинговые) и другими основаниями (по степени новизны и масштабу распространения). На основе данных статистического сборника НИУ ВШЭ «Индикаторы инновационной деятельности» за 2026 год проанализированы ключевые направления инновационной активности российских предприятий, отраслевые приоритеты и структура затрат на инновации. Приведены конкретные примеры новшеств, применяемых на практике ведущими российскими компаниями различных отраслей. Особое внимание уделено систематизации основных трудностей, с которыми сталкиваются разработчики и предприятия при создании и внедрении нововведений: финансово-экономических, организационно-управленческих, кадровых, нормативно-правовых и инфраструктурных. Результаты исследования позволяют лучше понять современное состояние инновационной деятельности в России и обосновать направления ее дальнейшего развития.*

Ключевые слова: *инновации, инновационная деятельность, классификация инноваций, продуктовые инновации, процессные инновации, трудности внедрения инноваций.*

Abstract. *This article examines the concept of "innovation" and its classification in accordance with the international Oslo Manual (product, process, organizational, and marketing) and other criteria (by degree of novelty and*

scale of dissemination). Using data from the HSE statistical digest "Innovation Activity Indicators" for 2026, the article analyzes key areas of innovation activity at Russian enterprises, industry priorities, and the structure of innovation expenditures. Specific examples of innovations applied in practice by leading Russian companies in various industries are provided. Particular attention is paid to systematizing the main challenges faced by developers and companies in the creation and implementation of innovations: financial and economic, organizational and managerial, personnel, regulatory, and infrastructural. The study's results provide a better understanding of the current state of innovation in Russia and substantiate directions for its further development.

Keywords: *innovation, innovation activity, innovation classification, product innovation, process innovation, challenges in implementing innovation.*

Введение. В современном мире все быстро меняется: появляются новое оборудование и устройства, программы, способы работы. Для того, чтобы страна могла уверенно двигаться вперед, ей нужны инновации, то есть новые решения, которые делают жизнь удобнее, а работу – эффективнее. Именно поэтому важно понимать, какие инновации создаются в России и в каких направлениях развивается эта работа. В этом и состоит актуальность темы данной статьи: инновации помогают экономике расти, создают новые рабочие места и улучшают качество жизни людей.

Проблематика статьи связана с тем, что придумать хорошую идею – это только половина дела. Часто бывает так, что перспективные разработки не доходят до реального применения. Причин может быть много: нехватка денег, недостаток квалифицированных специалистов, сложности с оформлением документов или отсутствие спроса. Кроме того, не всегда понятно, какие направления сегодня самые важные и где новые идеи будут особенно полезны. Из-за этого ресурсы иногда расходуются не самым лучшим образом.

Таким образом, цель работы состоит в том, чтобы изучить, какие виды инноваций существуют в России и обобщить, по каким направлениям их создают. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

– дать простое и понятное определение понятия «инновация» и перечислить основные виды инноваций;

– выделить главные направления инновационной деятельности в современной России (например, цифровые технологии, промышленность, медицина, сельское хозяйство, социальная сфера);

– привести несколько примеров российских инноваций, которые уже применяются на практике;

– обозначить основные трудности, с которыми сталкиваются разработчики и предприятия при создании и внедрении новшеств.

Объектом исследования являются инновации в Российской Федерации (новые продукты, технологии, методы работы и организационные решения, которые находят применение в разных сферах жизни), предмет – классификация видов инноваций, ключевые направления их создания и трудности развития в современных российских условиях.

В статье мы постараемся доступным языком рассказать о том, как в России появляются и реализуются новые идеи, какие возможности для этого есть и с какими препятствиями приходится сталкиваться. Это позволит лучше понять роль инноваций в развитии страны и увидеть, насколько важна работа изобретателей, ученых и предпринимателей.

Содержание понятия «инновации» и их виды. Простыми словами, инновация – это новое или заметно улучшенное решение, которое начали использовать в практической деятельности и благодаря которому что-то становится удобнее, быстрее, дешевле или полезнее. Основоположником инноваций является Й. Шумпетер, который, занимаясь в 1912 г. соответствующими исследованиями, подчеркивал: «суть инновации не в самой идее, а в ее практическом применении – в том, как она меняет производство, рынки и жизнь людей».

Многие ученые как в России, так и за рубежом, изучали и продолжают изучение содержания инноваций. Так, например, П. Ф. Друкер рассматривал инновацию как инструмент предпринимателя и источник создания новых ресурсов [1]; Р. А. Фатхутдинов трактовал инновацию как конечный результат внедрения новшества с целью изменения объекта управления и получения экономического, социального или иного эффекта [2]; Б. Твисс понимал под инновацией процесс, в котором изобретение или идея приобретают экономическое содержание [3]; В. Л. Иноземцев и Л. М. Гохберг подчеркивали тесную связь инноваций с развитием «экономики знаний» и технологической модернизацией производства [4–5].

Существует несколько оснований для классификации инноваций. Наиболее часто используется та, которая позволяет сразу понять, что именно меняется. В соответствии с «Руководством Осло» выделяют четыре типа инноваций: продуктовые, процессные, маркетинговые, организационные. То есть, наиболее предпочительна та классификация, которая позволяет сразу понять, что именно меняется. Представим такую классификацию в таблице 1.

Существуют и другие подходы для классификации видов инноваций. Например, можно выделить деление их по степени новизны на радикальные и улучшающие. Первые (их еще называют прорывные) – это существенные, значимые изменения, которые создают что-то принципиально новое. Например, переход от обычных телефонов к смартфонам; вторые – это тот случай, когда уже существующее решение делают лучше. Например, новая версия операционной системы с более быстрой работой и новыми функциями.

Инновации классифицируют и по масштабу распространения: для одной компании, для отрасли в стране, для всего мира.

Таблица 1 – Классификация видов инноваций по изменяемому объекту

Вид инноваций	Краткая характеристика	Пример
Продуктовые	Появляется новый продукт или у старого сильно улучшаются свойства	Российский электробус
Процессные	Меняется способ что-то делать: технология, оборудование, организация работы	Электронная запись к врачу (изменился сам процесс обслуживания граждан).
Организационные	Меняется структура управления, распределение обязанностей, способы взаимодействия внутри организации	Компания перешла на гибкую систему работы команд, где небольшие группы сами планируют задачи и быстрее реагируют на изменения
Маркетинговые	Новые способы продвижения и продажи товаров и услуг, новые форматы упаковки, рекламы, ценообразования	Магазин запустил приложение с персональными скидками и рекомендациями на основе истории покупок
Социальные	Новые решения для улучшения жизни людей и решения общественных проблем	Сервис, который помогает пожилым людям заказывать продукты и лекарства с доставкой и поддержкой волонтеров

Направления инновационной деятельности в современной России. **Примеры российских инноваций, применяемые на практике.** Научно-исследовательским институтом «Высшая школа экономики» ежегодно, начиная с 2007 года, публикуется статистический сборник «Индикаторы инновационной деятельности» [6]. Основываясь на данных сборника за 2026 год, можно сделать вывод о том, что отраслевой фокус инновационной деятельности в России сосредоточен на обрабатывающей промышленности. Это связано с тем, что уровень инновационной активности организаций данной отрасли самый высокий и составляет 23,7%. В сфере услуг активнее всего инновации внедряют в секторе научных исследований и разработок (44,1%) и среди разработчиков ПО (19,8%). При этом в сельском хозяйстве и строительстве инновационная активность пока ниже: 9,1% и 4,7% компаний соответственно [7]. Что касается конкретных продуктов, то это производство летательных и космических аппаратов (52,9%), компьютеров (50,1%), машин и оборудования (42,3%), автотранспортных средств (41,4%),

электрооборудования (40,4 %). Более четверти (26,3 %) объема инновационной продукции в обрабатывающей промышленности создано с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям [7]. По сравнению с 2023 г. величина показателя увеличилась на 3,7 п. п.

В разрезе типов инноваций преобладают именно продуктовые. В частности, в той же обрабатывающей отрасли делают ставку на создание новых или значительно улучшенных товаров и услуг (их реализовывали 86,5 % организаций с завершенными инновациями за последние 3 года). Также развиваются процессные инновации (например, внедрение новых методов производства, логистики, управления). Отмечаются и другие направления: маркетинговые (новые подходы к продвижению), организационные (новые методы в управлении и внешних связях), а также экологические.

Среди конкретных инструментов и ресурсов в обрабатывающей промышленности большая доля затрат идет на приобретение машин и оборудования (45,5 %) и выполнение исследований и разработок (32,9 %). На третьем месте находятся расходы на инжиниринг (7,4 %). В сфере услуг к приоритетам добавилась разработка и приобретение ПО и баз данных (16,7 %). Отдельно аналитики отмечают рост интереса к технологиям вроде Big data и промышленных вычислений.

Для того, чтобы сформировать целостное представление о том, какие инновации используются на практике российскими предприятиями, составим и приведем таблицу 2 следующего вида, составленную на основе данных официальных сайтов указанных в таблице предприятий.

Таблица 2 – Инновации, используемые российскими предприятиями на практике

Отрасль	Предприятие	Пример инновации
Энергетика	ПАО «РусГидро»	Цифровые подстанции
IT и программное обеспечение	ООО «Яндекс»	Нейросети, ИИ-сервисы
Финансы	ПАО «Сбербанк»	Системы ИИ-скоринга, биометрическая идентификация клиентов
Автомобилестроение	АО «АвтоВАЗ»	Роботизация сварочных и покрасочных цехов, цифровое проектирование
Розничная торговля	X5 Group	Кассы самообслуживания, ИИ-анализ покупательского спроса
Фармацевтика	ГК «Р-Фарм»	Инновационные препараты, цифровые производственные линии

Отрасль	Предприятие	Пример инновации
Пищевая промышленность	АО «Эфко»	Молекулярная кухня, производство растительных альтернатив на основе биотехнологий
Космическая	Государственная корпорация «Роскосмос»	Группировки спутников для спутникового интернета и дистанционного зондирования
Легкая промышленность	ГК «Спортмастер»	Цифровизация логистики, внедрение рекомендательных систем

Важно указать: большинство компаний, использующих или создающих инновации, активно взаимодействуют с партнерами (рисунок 1).

Рисунок 1. Субъекты взаимодействия инновационных организаций, %

Однако наряду с позитивными трендами в инновационной деятельности предприятий и организаций России зафиксированы трудности.

Трудности при создании и внедрении новшеств. Один из ключевых барьеров – это дефицит квалифицированных кадров. Предприятия особенно остро нуждаются в квалифицированных рабочих, операторах производственных установок, высококвалифицированных инженерах и специалистах в области ИКТ. В целом, с нашей точки зрения, все трудности можно разделить на 4 группы:

1) экономические и финансовые (недостаток собственных средств, высокая стоимость нововведений, дефицит господдержки, высокие риски, ограниченный доступ к кредитам);

2) организационно-управленческие (слабость системы управления, ориентация на краткосрочные результаты, слабая связь с наукой, консерватизм);

3) кадровые (дефицит специалистов, утечка мозгов, недостаточная квалификация персонала);

4) нормативно-правовые и инфраструктурные (несовершенство законодательства, бюрократия, неразвитая инфраструктура, слабый венчурный рынок).

Заключение. Таким образом, в ходе проведенного исследования было раскрыто содержание понятия «инновации» и систематизированы их основные виды. Установлено, что наиболее распространенной является классификация, предложенная международным «Руководством Осло», которая выделяет продуктовые, процессные, организационные и маркетинговые инновации и позволяет сразу понять, что именно меняется в деятельности предприятия. Дополнительно инновации подразделяют по степени новизны на радикальные и улучшающие, а также по масштабу распространения на локальные, отраслевые и мировые.

Анализ статистических данных НИУ ВШЭ за 2026 год показал, что инновационная активность в России сосредоточена прежде всего в обрабатывающей промышленности, а также в сфере научных исследований и разработок и среди разработчиков программного обеспечения. Лидирующими направлениями по выпуску новой продукции являются производство летательных и космических аппаратов, компьютеров, машин и оборудования, автотранспорта и электрооборудования. В структуре инноваций преобладают продуктовые, а основной объем затрат приходится на приобретение машин и оборудования и проведение научно-исследовательских работ.

На практике передовые российские предприятия, такие как «РусГидро», «Яндекс», Сбербанк, «АвтоВАЗ», X5 Group, «Р-Фарм», «Эфко» и «Роскосмос», успешно внедряют новшества в самых разных отраслях. Вместе с тем в работе выявлены существенные трудности создания и внедрения новшеств, которые объединены в четыре группы: экономико-финансовые, организационно-управленческие, кадровые и нормативно-правовые (инфраструктурные).

С нашей точки зрения, преодоление перечисленных трудностей требует скоординированных усилий со стороны государства, бизнеса и научного сообщества: совершенствования нормативно-правовой базы, развития инновационной инфраструктуры, повышения доступности финансовой поддержки и подготовки квалифицированных специалистов. Это позволит ускорить внедрение отечественных разработок, укрепить инновационный потенциал России и послужит основой устойчивого экономического роста и повышения качества жизни населения.

Список источников

1. Матковская Я. С. Цифровая экономика: уроки П. Друкера // Друкеровский вестник. 2020. № 1 (33). С. 101–115.

2. Фатхутдинов Р. А. Инновационный менеджмент / учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим и техническим специальностям Р. А. Фатхутдинов.– 6-е изд., испр. и доп.– Сер. Учебник для вузов. Моска: Питер, 2010. 442 с.

3. Вареник К. А. Теория инноваций как ключевое направление научных исследований XX века // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=10169 (дата обращения: 16.08.2026).

4. Иноземцев В. Л. За пределами экономического общества. Москва, 1998.– 639 с.

5. Гохберг Л. М. Статистика науки и инноваций. Москва, 1996.– 112 с.

6. Индикаторы инновационной деятельности URL: https://www.hse.ru/primarydata/ii

7. Индикаторы инновационной деятельности: 2026. Статистический сборник URL: https://issek.hse.ru/news/1134464563.html

DOI 10.34660/INF.2026.22.28.203

ОСОБЕННОСТИ ЭКСПОРТА ПРОДУКЦИИ ЛЕСОПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Стенькина Елизавета Алексеевна
старший преподаватель
Дальневосточный государственный технический рыбохозяйственный университет

Одной из ключевых проблем функционирования предприятий отечественного лесопромышленного комплекса является резкое ограничение объемов экспорта российский лесоматериалов после ввода зарубежных санкций против российского ЛПК и принятия встречных ответных мер со стороны российского правительства против недружественных стран, включая законодательное ограничение экспорта в рамках Постановления Правительства РФ от 16.03.2022 N 380 «О вывозе отдельных видов лесоматериалов с территории Российской Федерации в государства – члены Евразийского экономического союза», Постановления Правительства РФ от 09.03.2022 N 313 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 8 марта 2022 г. N 100» и ряд других нормативных актов.

Серьезные двусторонние ограничения экспорта коснулись как перечня экспортируемых лесоматериалов, так и пунктов их отправки за рубеж. В настоящее время вывоз лесоматериалов с территории России осуществляется тремя видами транспорта: автомобильным (доля в вывозе составляет 42%), железнодорожным (доля в вывозе составляет 38%) и водным (доля в вывозе составляет 20%). В целом все виды транспорта достаточно активно участвуют в формировании логистических цепочек. Однако, нужно отметить, что основной объем экспортных поставок лесопромышленного комплекса из России приходится на железнодорожный транспорт и морские/контейнерные перевозки, а автомобильный транспорт в основном задействован в приграничной торговле со странами ЕАЭС (Казахстан) и Китаем (через сухопутные переходы). Также с помощью автомобильного транспорта осуществляется доставка сырья на перерабатывающие предприятия или до ближайших ж/д станций, но его доля в дальнем экспортном потоке незначительна.

Большой объем экспортных поставок лесопромышленного комплекса осуществляется железнодорожным способом, который в результате влияния множества внешних факторов является наиболее перегруженным и в целом ряде случаев не может обеспечить всю потребность транспортировки лесопродукции на экспорт. При этом динамика его загрузки по месяцам подвержена определенной сезонности в осуществлении перевозок другими видам транспорта. Так, согласно данным РЖД, первая половина 2026 года показала следующую динамику экспортных поставок с помощью железнодорожного транспорта: февраль к январю 2026 г.– плюс 14%, март к февралю – плюс 16,8%, а далее наблюдалось сокращение: в апреле минус 1,7%, в мае плюс 1,1%, в июне минус 1,7%, в июле минус 2,5% [3]. Это связано, в том числе, с увеличением объемов перевозок автомобильным транспортом, которые в летний период становятся более комфортными и удобными. Внутрироссийские перевозки в январе-июле были на уровне 11 млн 352 тысяч тонн, а транзит – 1 млн 540 тысяч тонн. Общая статистика российского экспорта древесины железнодорожным транспортом за январь-июль 2026 года приведена в таблице 1.

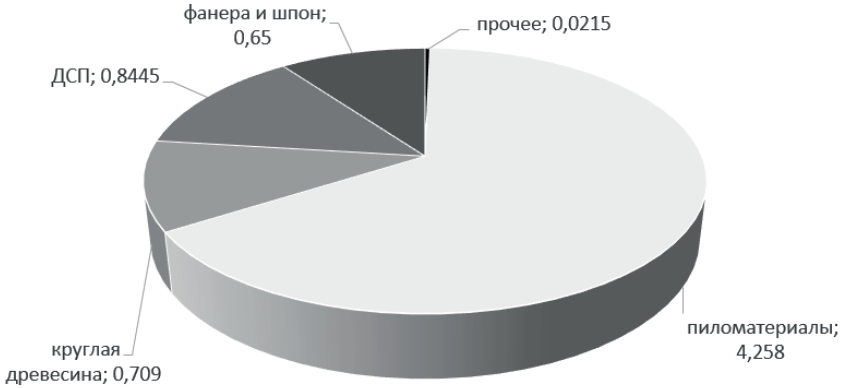


Рисунок 1. Общая статистика экспорта древесины железнодорожным транспортом за январь-июль 2026 года, млн.тонн

Вторым из задействованных в наибольшем объеме видом транспорта для экспорта продукции российского ЛПК является водный транспорт, в первую очередь морские/контейнерные перевозки. Нужно отметить, что данный способ обеспечения экспортных поставок также характеризуется рядом физических ограничений, а именно – небольшим количеством морских портов, которым разрешено отравлять лесопродукцию в зарубежные страны. При этом существует четкое разграничение сфер отправки экспортной

продукции по типам стран и бассейнам отправки. Так, к числу морских портов для отправки лесоматериалов относятся прежде всего порты Дальнего Востока для поставок продукции в Китай, Южную Корею, другие страны Юго-Восточной Азии, а также частично в страны Ближнего Востока. В таблице 1 представлена портовая инфраструктура для экспорта российских лесоматериалов.

Таблица 1. Действующая портовая инфраструктура для экспорта российских лесоматериалов

Морской порт	Направления отгрузки	Время действия
Дальневосточный бассейн (направление в Китай и страны АТР)		
Владивосток	основной порт для отгрузки лесоматериалов на азиатские рынки	Весь период
Находка	основной порт для отгрузки лесоматериалов на азиатские рынки	Весь период
Ванино	крупный узел стабильной перевалки лесных грузов	Весь период
Посьет	Для вывоза леса в недружественные страны	С 20.06.2026
Северо-Западный и Арктический бассейны (направление в дружественные страны)		
Санкт-Петербург	перевалка обработанных пиломатериалов через портовые мощности	Весь период
Порты Арктики (Архангельск)	традиционные центры отгрузки продукции лесопромышленного комплекса	Весь период
Южный и Каспийский бассейны (страны Ближнего Востока и Северной Африки)		
Астрахань	главный экспортный центр лесных грузов в Каспийском бассейне	Весь период
Новороссийск	обработка контейнерных и генеральных грузов, включая пиломатериалы.	Весь период
Порт Кавказ	внесен в перечень морских пунктов пропуска для вывоза отдельных видов лесоматериалов	Весь период

Источник: составлено автором

Как видно из данных таблицы 1 у морских портов есть выраженная специализация по направлениям отгрузки. Так, до июня этого года в недружественные страны отгрузка лесоматериалов не осуществлялась. Однако высокий спрос на российские лесоматериалы в ряде стран Юго-Восточной Азии, попавших ранее в список не дружественных, но испытывающих потребность

в российских лесоматериалах способствовал тому, что в июне 2026 года был пересмотрен режим экспорта трех товарных групп лесоматериалов именно в недружественные страны. Для этого был выбран порт Посьет, входящий в состав группы «Мечел» и осуществляющий преимущественно поставки каменного угля в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (до 100%), а также нефтепродукты (через сопредельные специализированные наливные терминалы), металлы и металлолом, рыбную продукцию, пиломатериалы, а также иные грузы. Торговый порт Посьет расположен на побережье Японского моря, южнее Владивостока в заливе Посьета и связан железной дорогой с Транссибирской железнодорожной магистралью.

Именно через данный порт дано разрешение экспортировать трех видов лесоматериалов, а именно коды 4401 21, 4401 22 и код 4408 ТН ВЭД ЕАЭС. Коды 4401 21 и 4401 22 относятся к древесной щепе и частицам древесины хвойных и лиственных пород соответственно – это сырьё, широко используемое в целлюлозно-бумажной и энергетической промышленности. Код 4408 охватывает листы для облицовки (включая полученные путём строгания слоёного шпона) и для клеёной фанеры, а также аналогичные слоистые материалы из древесины.

Нужно отметить. что все названные выше категории товаров относятся к продукции деревообработки, а не к необработанной круглой древесине вывоз которой продолжает оставаться под запретом.

Что касается географической характеристики экспорта, то 68% приходится на долю Китайской народной республики, 9% – на Монголию, 14% занимают другие страны АТР, включая Индию, Южную Корею, Вьетнам, Японию и пр., и еще 9% составляют страны Северной Африки, Ближнего Востока (Турция, Казахстан, Узбекистан, Саудовская Аравия и т.д.), проявляют интерес Мексика и некоторые другие страны [1. 2, 4].

В заключении исследования нужно отметить, что экспортное направление деятельности российского лесопромышленного комплекса до сих пор испытывает большие трудности как в продуктовом наполнении экспорта, так и по географическому аспекту, и по логистическим вопросам. Последние два аспекта чрезвычайно важны, поскольку изменение логистики привело в существенному росту затрат на транспортировку лесоматериалов, которая оказалась чрезвычайно дорогой для дешевых лесоматериалов, в частности пиломатериалов, части продукции из древесного сырья, и сделало нерентабельным перевод каналов сбыта от предприятий из европейской части страны к покупателям из MENA, ЕАЭС+ и других стран. Выход из сложившейся ситуации видится в повышении уровня переработки древесного сырья, выпуска более дорогостоящей на мировых рынках и соответственно более маржинальной продукции, на конечную прибыль от продажи которой транспортные расходы влияют меньше.

Список источников

1. В Китай уходит больше половины экспорта российской древесины. Электронный ресурс: Режим доступа: https://prim.rbc.ru/prim/freenews/651a488d9a79476f289ecbb4 (дата обращения 11.05.2026)

2. Кривокоченко Л. В. Возможности и перспективы развития российского экспорта пиломатериалов в Китай и Индию // Российский внешнеэкономический вестник, 2020, № . 7, с 58–66. doi:10.24411/2072-8042-2020-00071

3. Экспорт лесных грузов по сети РЖД в июле снизился на 2,5% к июню. Интерфакс. https://www.interfax.ru/business/1108738 (дата обращения 11.05.2026)

4. Якимов А. Экспорт российской древесины в Китай 2026: перспективы и логистика. Электронный ресурс: Режим доступа: https://chinalogist.ru/export/eksport-rossiiskoi-drevesiny-v-kitai-2026-perspektivy-i-logistika (дата обращения 13.08.2026)

DOI 10.34660/INF.2026.22.63.122

УДК 316.334.23

ОБРАЗОВАНИЕ КАК МОТИВАЦИОННЫЙ ФАКТОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЫХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Горячева Анастасия Федоровна
аспирант
Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия

Аннотация. *Молодежное предпринимательство в Саратовской области выступает значимым драйвером экономического развития, способствуя диверсификации региональной экономики и созданию новых рабочих мест. Однако, несмотря на значительный потенциал, активность молодых предпринимателей остается сдержанной под воздействием множества мотивационных факторов. Без понимания того, какие именно образовательные факторы (формальные знания, неформальные навыки, ценностные установки) стимулируют предпринимательскую активность, невозможно разработать адресные и эффективные меры поддержки. Целью статьи является выявление влияния образования на мотивацию молодых предпринимателей региона.*

Статья основана на эмпирических данных, полученных в ходе социологического анкетного офлайн-опроса молодых предпринимателей Саратовской области в 2026 году. Объем бесповторной вероятностной целевой выборки составил 350 респондентов в возрасте до 35 лет. Критерии отбора – занятие бизнесом, пол, возраст, образование.

Проведенное исследование подтвердило сложность и многогранность мотивации молодых предпринимателей Саратовской области. Среди мотивов всех образовательных категорий доминируют социальные мотивы, которые усиливаются по мере реализации бизнес-проектов. Доход среди мотивов занимает второе место, однако по мере реализации бизнеса он по значимости опустился до 5 места. Исключение – аспиранты, которые все нацелены на повышение своего дохода. Поэтому важно задействовать образовательные механизмы, формирующие внутреннюю мотивацию:

проектную деятельность, деловые игры, кейс-чемпионаты, позволяющие молодежи испытать чувство авторства и контроля над результатом. Такой подход способствует становлению предпринимательского мышления как естественной жизненной установки молодого поколения.

Ключевые слова: *молодые предприниматели, мотивы предпринимательской деятельности, образование, влияние образования на мотивационную структуру молодых предпринимателей.*

Abstract. *Youth entrepreneurship in the Saratov Region is a significant driver of economic development, contributing to the diversification of the regional economy and the creation of new jobs. However, despite the significant potential, the activity of young entrepreneurs remains restrained under the influence of many motivational factors. Without understanding what educational factors (formal knowledge, non-formal skills, values) stimulate entrepreneurial activity, it is impossible to develop targeted and effective support measures. The purpose of the article is to identify the impact of education on the motivation of young entrepreneurs in the region.*

The article is based on empirical data obtained during a sociological questionnaire survey of young entrepreneurs of the Saratov region in 2026. The volume of the non-repeated probabilistic target sample was 350 respondents under the age of 35. Selection criteria are business, gender, age, education.

The study confirmed the complexity and versatility of motivation of young entrepreneurs in the Saratov region. Among the motives of all educational categories, social motives dominate, which increase with the implementation of business projects. Income ranks second among the motives, but as the business is implemented, it dropped to 5th place in importance.It is necessary to use educational mechanisms that form internal motivation: project activities, business games, case championships, allowing young people to experience a sense of authorship and control over the result. This approach contributes to the formation of entrepreneurial thinking as a natural life attitude of the younger generation.

Keywords: *young entrepreneurs, motives for entrepreneurial activity, education, the impact of education on the motivational structure of young entrepreneurs.*

Молодежное предпринимательство в Саратовской области выступает значимым драйвером экономического развития, способствуя диверсификации региональной экономики и созданию новых рабочих мест. Однако, несмотря на значительный потенциал, активность молодых предпринимателей остается сдержанной под воздействием множества факторов. Их мотивационные механизмы остаются недостаточно изученными, особенно в контексте влияния

образования. Без понимания того, какие именно образовательные факторы (формальные знания, неформальные навыки, ценностные установки) стимулируют предпринимательскую активность, невозможно разработать адресные и эффективные меры поддержки. Целью данной работы является выявление влияния образования на мотивацию молодых предпринимателей региона.

Изучение мотивации экономической деятельности прошло долгий путь от классических теорий, акцентирующих внутренние потребности индивида, до современных синтетических моделей, учитывающих сложность внешней среды. Так иерархия потребностей А. Маслоу [] и двухфакторная теория Ф. Герцберга [] постулируют, что поведение человека определяется стремлением к удовлетворению базовых и высших нужд. Процессуальные теории ожиданий В. Врума [] и концепция справедливости Дж. Адамса [] сместили фокус на когнитивные механизмы принятия решений. Поведенческая теория перспектив Д. Канемана и А. Тверски [] демонстрирует, что люди не всегда рационально оценивают вероятности исходов, а склонны избегать потерь сильнее, чем стремиться к эквивалентным достижениям. Согласно теории институциональных изменений Д. Норта [], именно качество институтов определяет стимулы к продуктивной экономической деятельности.

Современные синтетические модели мотивации стремятся объединить достижения классических теорий, поведенческой экономики и институционального анализа (статьи И.А Бегининой [], О. Бориса [], Е. В. Дагаевой [], Д. В. Потехина, О. А. Сагиной [], А. А. Рабцевич [], И. Н. Ткаченко, М. А. Метелевой [], Н. С. Чернышевой []). Однако мотивация молодых предпринимателей раскрывается в публикациях значительно реже (Я. В. Дидковская, Ю. Р. Вишневский, Д. А. Лугин [], Д. М. Стажарова, М. В. Сысоенко, К. К. Канунникова []). В них предпринимательская мотивация рассматривается как многомерный конструкт, включающий рациональные ожидания, когнитивные искажения, риски, социальные нормы и институциональные ограничения, что позволяет более точно прогнозировать намерения начать бизнес. Учет этих элементов особенно важен при анализе мотивации молодежного предпринимательства, где готовность к риску и ориентация на будущее могут существенно различаться в зависимости от возраста, пола, образования и регионального контекста. Между тем именно образовательный уровень – играет важнейшую мотивирующую роль.

Для сбора первичных эмпирических данных о мотивационных профилях молодых предпринимателей Саратовской области в 2026 году был избран метод анкетного опроса. Данный выбор обусловлен тем, что, опросы позволяют более точно понять особенности мотивации, проблемы и другие аспекты конкретных групп молодых предпринимателей. Целевой группой исследования выступили молодые предприниматели Саратовской области.

Возраст респондентов был ограничен 35 годами. Сбор данных осуществлялся методом офлайн-анкетирования. Объем бесповторной вероятностной целевой выборки. отражающей основные социально-демографические параметры данной группы, составил 350 респондентов, что обеспечивает достаточный уровень статистической значимости для выявления региональных особенностей влияния образования на мотивы молодых предпринимателей.

Уровень образования молодых саратовских предпринимателей оказался достаточно высоким: более 60% имеют высшее образование, преимущественно экономическое или техническое, а 15% – дополнительное бизнес-образование. При этом все лица с общим средним, средним профессиональным и неоконченным высшим образованием создали свое малой предприятие. Средним бизнесом они не занимались. Однако чем выше уровень образования, тем чаще саратовцы создавали средний бизнес. Среди бакалавров таковых 3,4%, среди магистров – 10,8%, среди аспирантов – 33,3%.

Образовательный социальный капитал и наличие предпринимательских компетенций существенно влияют на мотивацию молодых людей к началу собственного дела (Таблица 1). Проведенный опрос показал, что в структуре мотивов молодых предпринимателей с общим средним образованием доминирует стремление к независимости (73,3%). На втором месте – повышение доходов (60% при среднем выборочном показателе 52%). На третьем месте – желание заниматься любимым делом (53,3%). Им чаще других свойственна ориентация на родственные связи (20%).

Лица со средним профессиональным образованием больше всего мотивирует желание заниматься любимым делом (90%), а также – стремление к общественному признанию и повышению своего социального статуса по (40%). В то же время предприниматели со средним профессиональным образованием несколько чаще ориентированы на стабильный доход и практическую выгоду, что, вероятно, связано с более прикладным характером их подготовки.

Молодым предпринимателям с неоконченным высшим образованием особенно свойственно в одинаковой степени желание заниматься любимым делом и стремление к независимости (по 66,7%). При этом каждый третий из них хотел бы повысить свой статус. Среди лиц с высшим образованием (бакалавриат) достаточно равномерно распределены все мотивы при небольшой доминанте стремления заниматься тем, что нравится (44,8%). Однако и это выражено в 2 раза слабее, чем у предпринимателей со средним профессиональным образованием. Можно предположить, что их мотивация находится на стадии формирования.

Среди саратовцев с высшим образованием (магистратура) доминируют стремление заниматься тем, что нравится (56,8%), повышение дохода (59,5%) и желание признания общества (40,5%). Среди тех, кто окончил

аспирантуру – желание заниматься любимым делом (66,7%) и повышение дохода (69,7%). Таким образом образование, особенно высшее и по направлениям, связанным с экономикой, управлением, формирует необходимую базу знаний для ведения бизнеса и определяет мотивационную структуру молодых предпринимателей. Это особенно характерно для выпускников гуманитарных и творческих специальностей, для которых бизнес становится способом воплощения личных идей и ценностей. Это подтверждается и опубликованными данными других исследователей [9].

Таблица 1. Влияние уровня образования молодежи на мотивацию предпринимательской деятельности, % по образованию, по положительным ответам

Мотивы	Уровень образования						По выборке
	среднее общее	среднее профессиональное	неоконченное высшее	высшее (бакалавриат)	магистратура	аспирантура	
Желание заниматься тем, что нравится	53,3%	90,0%	66,7%	44,8%	56,8%	66,7%	57,0%
Повышение доходов	60,0%	30,0%	50,0%	44,8%	59,5%	66,7%	52,0%
Стремление к независимости	73,3%		66,7%	34,5%	35,1%		38,0%
Желание признания общества	20,0%	40,0%	33,3%	34,5%	40,5%	33,3%	35,0%
Повышение социального статуса		40,0%	33,3%	13,8%	18,9%		17,0%
Родственные связи	20,0%			13,8%	8,1%		10,0%
Личный интерес				3,4%			1,0%
Реализация своих целей					2,7%		1,0%

Образовательный уровень предопределяет и оценку того, что дало молодежи занятие бизнесом (Таблица 2). Практически все категории молодежи со средним, средне-профессиональным и неоконченным высшим образованием подтвердили свое стремление заниматься любимым делом (соответственно 60%, 60%, 83,3%). Исходя из этого в учебные курсы необходимо включать блоки, связанные с поиском и реализацией личных интересов в бизнесе, а также с креативными подходами к предпринимательству. Такая дифференциация позволит усилить внутреннюю

мотивацию молодежи. Возможность создавать продукт или услугу, отражающие личные ценности, усиливает мотивацию и приверженность делу. Это особенно важно в саратовских условиях, когда традиционные формы занятости не всегда предоставляют пространство для самовыражения. Однако среди тех, чье образование высшее, таковых меньше. На достижение независимости чаще других нацелены лица со средним (60 %), неоконченным высшим образованием и аспирантурой (по 66,7 %). Стремление выделиться, проявить себя особенно отличает молодежь со средне-профессиональным (40 %) и неоконченным высшим образованием (50 %), и магистров (51,4 %).

Признание со стороны общества больше других мотивирует предпринимателей с неоконченным высшим образованием и аспирантурой (по 33,3 %). Социальное признание выступает важным мотиватором для молодых предпринимателей, стремящихся заслужить уважение в глазах сверстников и общества. Успешный бизнес рассматривается как показатель личной состоятельности и профессионального успеха. Высокий доход чаще ожидают от бизнеса молодежь со средне-профессиональным образованием (70 %) и все с аспирантурой (100 %). Возможно, это связано с более прикладным характером их подготовки. Повышение социального статуса чаще других ждут молодые люди со средним образованием (46,7 %) и бакалавры (27 %). Саморазвития в бизнесе ощутили только бакалавры (3,4 %). Эти различия отражают смену жизненных приоритетов и накопление профессионального опыта, что напрямую влияет на восприятие роли образовательного контента. Следовательно образование способствует формированию предпринимательских намерений через развитие навыков распознавания возможностей и снижения рисков. Обучение позволяет молодым людям систематизировать знания о рынке, правовых аспектах ведения бизнеса и управленческих стратегиях, что повышает их уверенность в собственных силах и готовность к реализации предпринимательских идей.

Основным источником информации в предпринимательской деятельности молодежи (Таблица 3) выступает интернет (73 %). Чаще других к нему прибегают молодые саратовцы со средним профессиональным (90 %), неоконченным высшим образованием (83,3 %) или бакалавры (82,8 %). На втором месте по популярности выступают курсы и тренинги (47 %). К ним чаще других прибегает молодежь с общим средним (86,7 %) и неоконченным высшим образованием (50 %). Однако с повышением уровня образования доля таковых уменьшается. Друзья и знакомые используются в качестве источника информации в 33,5 % случаев. Особенно часто к ним прислушиваются молодые люди с общим средним (42,9 %), неоконченным высшим образованием (36,4 %) или аспиранты (66,7 %).

Таблица 2. Влияние уровня образования молодежи на ожидания от предпринимательской деятельности, % по образованию, по положительным ответам

Что дало занятие бизнесом	Уровень образования						По выборке
	среднее общее	среднее профессиональное	неоконченное высшее	высшее (бакалавриат)	магистратура	аспирантура	
Возможность заниматься любимым делом	60,0%	60,0%	83,3%	58,6%	54,1%	33,3%	58,0%
Независимость	60,0%	30,0%	66,7%	51,7%	48,6%	66,7%	51,0%
Возможность выделиться, проявить себя	13,3%	40,0%	50,0%	27,6%	51,4%	33,3%	37,0%
Признание со стороны общества	13,3%	30,0%	33,3%	27,6%	37,8%	33,3%	30,0%
Высокий доход	6,7%	70,0%		24,1%	27,0%	100,0%	28,0%
Высокий социальный статус	46,7%	20,0%	16,7%	27,6%	13,5%		23,0%
Саморазвитие				3,4%			1,0%

К услугам специализированных организаций прибегают 30% опрошенных, особенно – магистры (40,5%) и аспиранты 66,7%). Видимо они больше доверяют информации, исходящей от профессионалов. Обучающие книги используют 21% молодых предпринимателей, особенно со средним профессиональным образованием (30%) и каждый третий аспирант. К услугам организаций по поддержке предпринимательства обращаются 16% молодых саратовцев. Чаще других это делают опрошенные со средним профессиональным образованием (230%), магистры (21,6%) и аспиранты (33,3%).

Специализированные образовательные программы и курсы, а также самообразование через онлайн-платформы, становятся тем фундаментом, который позволяет молодым людям преодолевать страх перед неизвестностью и снижать информационные барьеры. Доступ к образовательным программам и тренингам по предпринимательству признали полезным 40% опрошенных, однако лишь 25% смогли реально воспользоваться такими возможностями. Респонденты отмечали, что наиболее эффективными являются практико-ориентированные курсы с элементами наставничества, а не академические лекции. Участие в акселераторах и бизнес-инкубаторах, по мнению

опрошенных, способствует не только получению знаний, но и расширению деловых контактов.

Таблица 3. Влияние уровня образования молодежи на основные источники информации о предпринимательской деятельности, % по образованию, по положительным ответам

Основные источники информации	Уровень образования						По выборке
	среднее общее	среднее профессиональное	неоконченное высшее	высшее (бакалавриат)	магистратура	аспирантура	
Интернет-ресурсы	60,0%	90,0%	83,3%	82,8%	64,9%	66,7%	73,0%
Курсы и тренинги	86,7%	30,0%	50,0%	44,8%	37,8%	33,3%	47,0%
Друзья /знакомые	42,9%	22,2%	36,4%	26,4%	34,8%	66,7%	33,5%
Использование услуг специализированных организаций	20,0%	30,0%	16,7%	20,7%	40,5%	66,7%	30,0%
Обучающие книги	13,3%	30,0%	16,7%	24,1%	18,9%	33,3%	21,0%
Организации по поддержке предпринимательства	13,3%	20,0%	16,7%	6,9%	21,6%	33,3%	16,0%

Молодые предприниматели активно используют онлайн-курсы, вебинары и нетворкинг-платформы для компенсации недостатка формальных компетенций. Предпринимательские компетенции, такие как способность к риск-менеджменту, планированию и коммуникации, являются ключевыми факторами успешного старта. Таким образом, доступность образовательных ресурсов становится важным мотивационным фактором, усиливающим желание начать собственное дело.

Проведенное исследование подтвердило сложность и многогранность мотивации молодых предпринимателей Саратовской области. Ее региональная специфика заключается в более высокой значимости внешней институциональной среды, семейных традиций, неформальных социальных связей и локальной инфраструктуры поддержки, и особенно – образования. Важно задействовать образовательные механизмы, формирующие внутреннюю мотивацию: проектную деятельность, деловые игры, кейс-чемпионаты, позволяющие молодежи испытать чувство авторства и контроля над результатом. Такой подход способствует становлению предпринимательского мышления как естественной жизненной установки молодого поколения.

Оптимизация обучения должна предусматривать органичную интеграцию учебных курсов с действующей региональной инфраструктурой поддержки предпринимательства, включая программы «Ты – предприниматель» и услуги центра «Мой бизнес». Такая интеграция позволяет молодежи не только получить знания, но и сразу апробировать их в реальных условиях при поддержке наставников и специалистов. Для усиления мотивационного эффекта необходимо предусмотреть механизмы непрерывного сопровождения: от информирования о грантовых конкурсах и льготных кредитах до юридической помощи при регистрации бизнеса. и наставничества в реализации предпринимательских проектов.

Литература

1. Маслоу, А. Х. Мотивация и личность / А. Х. Маслоу.– СПб.: Евразия, 1999.– 478 с.

2. Херцберг Ф., Майнер М. Побуждения к труду и производственная мотивация// Социологические исследования, 1990. № 1. С. 122–131.

3. Врум В. Труд и мотивация.– 1964.– 331 с

4. Adams J. S. Inequality in social exchange // Advanced Experimental Psychology, 1965. N 62. P. 335–343.

5. Канеман Д., Тверски А. Теория перспектив: анализ принятия решений в условиях риска //Экономика и математические методы.– 2015.– Т. 51.– № 1.– С. 3–25.

6. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Пер. с англ. А. Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б. З. Мильнера.– М.: Фонд экономической книги "Начала", 1997.– 180 с.

7. Бегинина И. А. Социально-демографическая специфика молодежного предпринимательства в Саратове // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология.– 2021.– № 1.– С. 48–54.

8. Борис О., Никулина А. Выявление мотиваторов к инновационному предпринимательству современной молодежи // DOAJ (DOAJ: Directory of Open Access Journals).– 2022.– С. 98–104.

9. Дагаева Е. А. Государственная поддержка как фактор стимулирования готовности студенческой молодежи к предпринимательству // Век качества.– 2024.– № 1.– С. 142–162.

10. Потехин Д.В., Сагина О. А. Региональные программы поддержки молодежного предпринимательства: оценка эффективности бюджетных расходов // Вестник евразийской науки.– 2025.– С. 19–19.

11. Рабцевич А. А. Методические подходы к оценке развития молодежного предпринимательства в регионе: применимость налоговой статистики // Экономика. Информатика. – 2023. – № 3. – С. 597–611.

12. Ткаченко И.Н., Метелева М. А. Оценка предпринимательского потенциала акторов национальной экономики при проектировании систем управления сетями крупных корпораций // Управленец. 2026. Т. 17, № 1. С. 47–64.

13. Чернышева Н. С. Развитие предпринимательского потенциала в молодежной среде: государственная поддержка и региональная специфика // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2021. – № 7. – С. 45–49.

14. Дидковская Я.В., Вишневский Ю. Р., Лугин Д. А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация к созданию стартапа и связанные препятствия // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2021. – № 1. – С. 8–20.

15. Стажарова Д.М., Сысоенко М. В., Канунникова К. К. Исследование мотивационных факторов предпринимательской деятельности студентов // Экономика. Право. Инновации. – 2024. – № 1. – С. 41–54.

DOI 10.34660/INF.2026.22.65.107

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЫ О ВОЙНЕ[1]

Азевич Ирина Петровна
аспирант
Витебский государственный университет имени П. М. Машерова

Аннотация. *В статье рассматриваются тенденции развития современной русскоязычной прозы о Великой Отечественной войне. На материале произведений русской и белорусской литературы, созданные после 2000-го года, анализируются особенности моделирования военной реальности в прозе, обозначаются художественные задачи, поставленные авторами.*

Ключевые слова: *современная проза о войне; историческая, онтологическая, экзистенциальная и эстетическая тенденции; русская литература; белорусская литература.*

Проза о войне остается глубоко актуальной в современном литературном процессе. Авторов, использующие милитаристские сюжеты, волнуют проблемы не столько тактики и стратегии военных действий, «невыносимости бытия» в военных условиях, сколько проблема нравственно-философского осмысления современности через архетип человека, несущего память о пережитой мировой катастрофе. Осмысление Великой Отечественной войны прозаиками позволило по-новому взглянуть на события прошлого, сделать акцент на внутренний мир человека, который преодолевает страх, усталость и голод, оставаясь при этом личностью.

Новые художественные возможности моделирования военной реальности через призму реализма, фантастики и эстетики постмодернизма, с новыми героями вызывает пристальный интерес многих исследователей. Актуальность выбранной темы обусловлена расширением представлений о войне в художественных произведениях, далеко отстоящих по времени написания от воссоздаваемых событий. Цель статьи – рассмотреть тенденции развития

[1] Работа выполнена в рамках НИР «Сацыяльныя і ментальныя імплікацыі беларускага культурнага кода ў айчыннай літаратуры XX – XXI стагоддзяў як спосаб захавання нацыянальнай ідэнтычнасці» (номер государственной регистрации 20260379 от 27.03.2026).

современной русскоязычной прозы о Великой Отечественной войне, обозначить важные аспекты для классификаций, которые позволят глубже понять трансформацию памяти об историческом прошлом в современной литературе.

Материалом для исследования послужили русскоязычные произведения актуальной литературы (и белорусской, и русской), появившиеся после 2000 года (первая четверть XXI века). Согласно периодизации литературы о Великой Отечественной войне, предложенной исследователем современного литературного процесса, доктором филологических наук Г. М. Алтынбаевой, в основе которой – время создания произведения, именно начало 2000-х знаменует современный этап литературы о войне, поскольку «вызовы начала 2000-х гг., последующих лет могут быть осмыслены благодарной и трезвой памятью, и потому современная литература определяется не только датой публикации, но и ответственной (не игровой, не кощунственной) свободой художественного мышления, выстраданной десятилетиями развития военной прозы» [1, с. 70].

Произведения о Великой Отечественной войне, созданные в первой четверти XXI века, весьма разнообразны как в идейно-тематическом, так и в жанрово-стилевом планах.

Исходя из проблематики произведения, выделяют историческое, онтологическое, экзистенциальное и эстетическое [2; 3; 4] направления развития военной прозы. К первому направлению относятся книги, где военные события вписаны в историю страны и мира, претендуют на эпический размах. Здесь образцами творчества считаются такие литературные монументы, как «Живые и мертвые» К. Симонова (1959), «Жизнь и судьба» В. Гроссмана (1950–1959), «Вечный зов» А. Иванова (1963–1975).

На современном этапе к этому направлению можно отнести книги: «Операция “Кровь”» Н. Чергинца (2013), роман «Война» В. Гниломедова (2010), роман «Поп» (2006) А. Сегеня, художественно-документальное исследование «Штурм Брестской крепости» (2012) Р. Алиева, и некоторые другие. Представители этого направления немногочисленны: авторы или сами являлись участниками военных событий, что позволило создать монументальные произведения о войне, или же активно работали в архивах с документами того времени, со свидетелями событий прошлого, их воспоминаниями.

При изучении данного пласта современной литературы исследователями учитывается базовый критерий – ее документальная основа, прототипичность действующих героев, «вмонтирование» в сюжет реально существующих, исторических деятелей.

Онтологическая проза о войне базируется на «окопной правде», восходит к образцовой книге В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946). Сюда же литературоведы относят и «лейтенантскую прозу» [3, с. 9], яркими представителями которой являются К. Воробьев, В. Астафьев, Ю. Бондарев, В. Быков, В. Козько и др.

Спецификой этих произведений является то, что война показана как испытание самой человеческой природы, «голого человека», лишенного всего, что необходимо для жизни. Жестким натурализмом, горечью и отчаянием «пропитаны» книги о войне указанного направления. Главный пафос онтологической прозы – утверждение ценности каждой человеческой жизни, сломленной войной.

В современной литературе эти традиции продолжаются в творчестве Д. Гранина («Мой лейтенант» (2013)), И. Николаева («Лейтенанты» (2009)), Н. Черкашина («Генералы сорок первого года» (2023), «Брестские врата» (2025)) и др.

В экзистенциальной прозе война из события истории превращается «в переживание личности» [3, с. 9]. Как отмечает Е. В. Крикливец, «герой экзистенциальной прозы о войне практически всегда находится в пограничном состоянии, в ситуации сложнейшего нравственного выбора, цена которого – жизнь» [4, с. 171]. К этому направлению относятся произведения Ю. Казакова, В. Быкова, «Пастух и пастушка» В. Астафьева, повесть В. Распутина «Живи и помни», ряд произведений К. Воробьева, И. Мележа, рассказы В. Шукшина о войне. В «экзистенциональной» тональности созданы автобиографические произведения авторов из поколения «детей войны» – Е. Коршукова, Г. Калинина, Н. Соловьевой, В. Козько и др.

Последнее, эстетическое, направление связано с литературой о войне, созданной «невоевавшими» писателями. Здесь художественные задачи достигаются не через личное, пережитое, а через осмысление войны как культурного кода, встроенного в память последующих поколений [3, с. 10]. Авторы ищут аналогии, метафоры, символы для передачи случившейся мировой трагедии. Корпус произведений, написанных в данной тональности, очень широк. Их объединяет «новые возможности моделирования художественной реальности в стилевой интеграции реализма и модернизма, реализма и постмодернизма» [4, с. 169]. К этому же направлению относятся фантастические романы с альтернативными моделями военной истории, вымышленными мирами и магическими атрибутами, что отнюдь не умаляет тонкого психологизма и философичности этих книг. В такой плоскости созданы произведения И. Бояшова («Танкист, или Белый тигр» (2008)), А. Берга («Моя фамилия Павлов» (2023)), А. Матвиенко («Демон против Люфтваффе» (2022)) и др.

Литературовед Л. Е. Герасимова в современной прозе о Великой Отечественной войне выделяет только два направления: иллюстративное и мифологическое [2, с. 410]. В первом случае прозаики обращаются к ранее открытым конфликтам, типам, ситуациям (по этому критерию выделим творчество А. Геласимова, Ю. Полякова, Н. Чергинца, Н. Соловьевой, Е. Подкатик, Э. Вашкевич). Во втором – писатели переигрывают советские мифы, создают

новые, пишут фантастико-игровые романы о войне [2, с. 412] (А. Тургенев, А. Матвиенко, О. Сешко, А. Берг и др.).

С точки зрения сюжетной организации произведений Г. М. Алтынбаева предлагает разделять современную прозу на ту, в которой действия происходят непосредственно в военное время (Д. Гранин, А. Сегень, Н. Черкашин, Э. Вашкевич и др.); на произведения, в которых события войны подаются фрагментарно, через воспоминания героев (Е. Коршуков, Е. Арманд, С. Антонов, Е. Подкатик, А. Геласимов и др.); в которых война – вторичный эпизод (О. Славникова, В. Ременчик); и те, которые военные события обрамляют как фантастическое время-пространство (А. Берг, А. Матвиенко, О. Сешко, И. Бояшов, А. Ивакин).

Таким образом, литература первой четверти XXI века наглядно показывает, что военная тематика не только не исчерпала своего потенциала, но, наоборот, получила второе дыхание. Современные авторы выходят за рамки реализма и обогащают художественную систему новыми эстетическими приемами, мастерски используя фантастические, неомифологические «лекала» и делая тему Великую Отечественную войны доступной для осмысления новыми поколениями.

Список использованной литературы

1. Алтынбаева, Г. М. Границы документальности и художественности в современной прозе о великой отечественной войне / Г. М. Алтынбаева // Филология и культура. Philology and culture. – 2025. – № 3 (81). – С. 66–73.

2. Герасимова, Л. Е. Нравственный запас современной художественной прозы о войне / Л. Е. Герасимова // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2020. – С. 396–412.

3. Ковтун, Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н. В. Ковтун // Культура и текст. – 2020. – № 4 (43). – С. 6–24.

4. Крикливец, Е. В. Белорусская литература второй половины XX – начала XXI века: историческое сознание и культурная идентичность: монография / Е. В. Крикливец. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2026. – 248 с.

DOI 10.34660/INF.2026.22.66.112

ФОРМИРОВАНИЕ СМЫСЛОВОГО ЧТЕНИЯ КАК ОСНОВА РАЗВИТИЯ МЕТАПРЕДМЕТНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ 5–9 КЛАССОВ В УСЛОВИЯХ ПОДГОТОВКИ К ОГЭ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Савгира Инга Николаевна
учитель русского языка и литературы
«Средняя общеобразовательная школа № 12» города Вологды

Введение

В современной школе всё чаще наблюдается противоречие между объёмом читаемой подростками информации и глубиной её понимания. Многие учащиеся основной школы уверенно ориентируются в сюжете произведения, способны воспроизвести последовательность событий и назвать героев, однако испытывают затруднения при попытке определить авторскую позицию, объяснить мотивы поведения персонажей или выявить скрытый смысл текста. Подобная ситуация свидетельствует о недостаточном развитии смыслового чтения – важнейшего компонента учебной деятельности.

Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования рассматривает смысловое чтение как один из ключевых метапредметных результатов. В результате учащиеся оказываются недостаточно подготовленными к выполнению заданий, требующих анализа, интерпретации и аргументации.

Особую актуальность проблема приобретает в процессе подготовки к ОГЭ по русскому языку. Экзаменационная работа включает изложение, задания на анализ текста и сочинение-рассуждение, успешное выполнение которых невозможно без развитых навыков осмысленного чтения. Следовательно, формирование смыслового чтения следует рассматривать не как дополнительное направление работы учителя, а как системообразующий фактор развития метапредметных компетенций учащихся.

Цель данной статьи заключается в обосновании системы работы по формированию смыслового чтения у учащихся 5–9 классов и определении её значения для развития универсальных учебных действий и успешной подготовки к ОГЭ по русскому языку.

Аннотация. *В статье рассматривается проблема формирования смыслового чтения у учащихся 5–9 классов как важнейшего условия развития метапредметных компетенций в процессе подготовки к ОГЭ по русскому языку. Раскрывается содержание понятия «смысловое чтение», характеризуются уровни понимания текста и их значение для формирования познавательных, регулятивных и коммуникативных универсальных учебных действий. Особое внимание уделяется системе поэтапной работы с текстом в основной школе, включающей базовые, аналитические и рефлексивные стратегии чтения. Обосновывается влияние сформированности навыков смыслового чтения на успешность выполнения изложения, тестовых заданий и сочинения-рассуждения в формате ОГЭ.*

Ключевые слова: *смысловое чтение, метапредметные компетенции, универсальные учебные действия, читательская грамотность, анализ текста, критическое мышление, ОГЭ по русскому языку, основная школа, подготовка к экзамену, речевое развитие.*

Теоретические основы смыслового чтения

Смысловое чтение представляет собой активный процесс взаимодействия читателя с текстом, направленный на понимание, интерпретацию и использование содержащейся в нём информации. В отличие от технического чтения, связанного преимущественно с декодированием графических символов, смысловое чтение предполагает включение познавательных, аналитических и рефлексивных механизмов.

Для полноценного понимания текста недостаточно ограничиваться его поверхностным прочтением. Читатель должен осмысливать полученные сведения, соотносить их с уже имеющимися знаниями, оценивать авторские суждения и формулировать собственное отношение к прочитанному. Смысловое чтение направлено не только на восприятие фактической информации, но и на выявление логических связей, подтекста и коммуникативного намерения автора. В процессе вдумчивого чтения активизируются аналитическое мышление, воображение и речевая рефлексия, что способствует развитию как устной, так и письменной формы речи учащегося.

Работа с текстом в условиях смыслового чтения предполагает, что школьник умеет выделять существенные факты, устанавливать причинно-следственные отношения между фрагментами текста, формулировать его тему и ведущую мысль, определять отношение автора к описываемым событиям, замечать скрытые смысловые оттенки, сопоставлять новую информацию с собственным читательским и жизненным опытом, а также применять результаты анализа при выполнении учебных и практико-ориентированных заданий.

Таким образом, чтение превращается не в простое восприятие информации, а в активную интеллектуальную деятельность, предполагающую взаимодействие читателя с авторской позицией и содержанием текста.

Уровни понимания текста

В школьном обучении понимание текста можно рассматривать как последовательный процесс, включающий несколько взаимосвязанных уровней освоения содержания.

Информационный уровень связан с восприятием фактических сведений, содержащихся в тексте. На этом этапе учащийся определяет основные события, участников описываемой ситуации, время и место действия, а также способен кратко передать содержание прочитанного.

Аналитический уровень предполагает более глубокую работу с текстом: школьник выявляет особенности композиции, устанавливает причинно-следственные связи, определяет функции языковых средств и объясняет, каким образом автор достигает необходимого художественного или коммуникативного эффекта.

Рефлексивно-оценочный уровень ориентирован на личностное осмысление прочитанного. Учащийся соотносит авторскую позицию со своими взглядами, формулирует собственное мнение, аргументирует его и переносит полученные выводы в более широкий жизненный и культурный контекст.

Освоение аналитического и рефлексивного способов работы с текстом позволяет учащимся не только глубже понимать авторский замысел, но и формирует способность к самостоятельным выводам, аргументированной оценке информации и более уверенному выполнению экзаменационных заданий.

Смысловое чтение как фактор развития метапредметных результатов

Современные требования к результатам основного общего образования предполагают развитие у школьников умений самостоятельно работать с информацией, организовывать собственную учебную деятельность и эффективно взаимодействовать с окружающими. Работа с текстом объединяет все перечисленные направления, поэтому смысловое чтение целесообразно рассматривать как основу формирования метапредметных результатов обучения.

Анализ текстовой информации требует от учащегося активных мыслительных действий. Школьник учится находить необходимые сведения в тексте, отделять существенную информацию от второстепенной, выявлять связи между отдельными фактами и делать выводы на основе прочитанного. Постепенно формируется способность преобразовывать информацию: представлять её в виде плана, схемы, таблицы, тезисов или краткого вывода, что повышает эффективность усвоения учебного материала по различным предметам.

Осмысленная работа с текстом предполагает наличие определённой цели чтения. Учащийся должен понимать, для чего он обращается к тексту,

выбирать подходящий способ работы, отслеживать степень собственного понимания и при необходимости возвращаться к непонятным фрагментам. Такая организация деятельности способствует развитию навыков самоконтроля, планирования и коррекции собственных действий, что является важным показателем учебной самостоятельности подростков.

Интерпретация текста становится более продуктивной в процессе обсуждения. Обмен мнениями по поводу прочитанного побуждает учащихся формулировать вопросы, уточнять смысл отдельных фрагментов, объяснять собственные выводы и соотносить их с мнением одноклассников. При этом текст выступает не объектом пересказа, а источником аргументов, на которые опирается участник обсуждения. Такая работа способствует развитию доказательной речи, умения вести конструктивный диалог и корректно отстаивать собственную точку зрения.

Следовательно, смысловое чтение обеспечивает не только понимание учебного текста, но и создаёт условия для развития познавательной активности, учебной самостоятельности и культуры речевого взаимодействия учащихся основной школы.

Роль смыслового чтения в подготовке к ОГЭ по русскому языку

Анализ структуры экзаменационной работы показывает, что практически все её компоненты опираются на умение понимать и интерпретировать текст.

Сжатое изложение требует от учащегося не механического запоминания текста, а умения выделять микротемы, определять основную информацию, устанавливать логическую последовательность, сокращать второстепенные элементы без искажения смысла и сохранять композиционную целостность исходного текста.

Задания, связанные с анализом средств выразительности, лексическим значением слов, фразеологизмами и средствами связи предложений, требуют понимания контекста и авторской интонации. Ученик должен не просто знать определения терминов, но и уметь видеть их функционирование в конкретном тексте.

Наиболее высокий уровень смыслового чтения проявляется при выполнении задания 9. Учащийся должен определить проблему текста, понять авторскую позицию, подобрать текстовые доказательства, сформулировать собственный тезис, логично выстроить систему аргументации и сделать обоснованный вывод.

Следовательно, смысловое чтение является сквозной основой всей подготовки к ОГЭ по русскому языку.

Система формирования смыслового чтения в 5–9 классах

Эффективное развитие смыслового чтения возможно только при условии систематической и поэтапной работы на протяжении всего периода обучения в основной школе.

На начальном этапе основная задача заключается в развитии осознанного отношения к процессу чтения. Используются чтение с остановками, «толстые» и «тонкие» вопросы, маркировка текста, составление простого плана и выделение ключевых слов.

В 7–8 классах внимание переносится с воспроизведения содержания на анализ смысловых связей и авторского замысла. Эффективными становятся кластер, синквейн, двойной дневник и работа с подтекстом.

В 9 классе сформированные навыки переносятся на формат ОГЭ. Работа строится по единому алгоритму: определение темы, выявление проблемы, формулирование основной идеи, определение типа речи и стиля, анализ языковых средств и характеристика авторской позиции. Такой подход обеспечивает осознанное выполнение экзаменационных заданий, а не использование готовых шаблонов.

Диагностика эффективности системы работы

Оценка сформированности смыслового чтения должна носить комплексный характер. Входящая диагностика проводится в 5 классе с использованием незнакомого текста и заданий на определение темы, главной мысли, авторского отношения и скрытого смысла отдельных фрагментов.

Промежуточная диагностика в 7 классе включает задания, приближённые к формату ОГЭ: интерпретацию фрагмента, объяснение значения художественной детали, определение подтекста и аргументацию собственной позиции.

В 9 классе проводится комплексная работа в формате ОГЭ. Сравнение результатов позволяет проследить зависимость между уровнем сформированности смыслового чтения и успешностью выполнения заданий на анализ текста и написание сочинения-рассуждения.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что систематическая работа по развитию смыслового чтения оказывает комплексное влияние на образовательные результаты учащихся основной школы. Умение понимать текст, интерпретировать авторскую позицию, выделять существенную информацию и строить аргументированное рассуждение становится необходимым условием успешной подготовки к ОГЭ по русскому языку.

Следовательно, развитие смыслового чтения должно быть включено в единую систему обучения русскому языку и литературе как средство формирования читательской грамотности, критического мышления и коммуникативной самостоятельности школьников. Систематическое применение стратегий осознанного, аналитического и рефлексивного чтения способствует не только повышению качества выполнения экзаменационных заданий, но и формированию личности, способной критически воспринимать информацию,

аргументированно выражать собственную позицию и вести содержательный диалог с текстом и окружающим миром.

Перспективным направлением дальнейшей работы является создание банка разноуровневых текстов и заданий, позволяющих организовать поэтапное формирование навыков смыслового чтения и объективно оценивать динамику развития читательской грамотности учащихся основной школы.

Список литературы

1. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования.

2. Граник Г. Г., Концевая Л. А. Понимание текста: психологические аспекты // Вопросы психологии. 2017. № 4.

3. Светловская Н. Н. Обучение чтению и становление читательской самостоятельности. М.: Просвещение, 2018.

4. Виноградова Н. Ф. Формирование смыслового чтения в основной школе // Начальное образование. 2019. № 6.

5. Примерные рабочие программы по русскому языку и литературе для 5–9 классов. М.: Просвещение, 2021.

6. Ковалева Г. С. Читательская грамотность как компонент функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2020. Т. 1. № 4.

7. Цукерман Г. А. Как учить читать и понимать текст // Вопросы образования. 2018. № 2.

8. Демонстрационные варианты ОГЭ по русскому языку 2023–2025 гг. / ФИПИ.

DOI 10.34660/INF.2026.22.66.131

ЗАПАДНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ

Филимонов Александр Григорьевич
кандидат философских наук, доцент
Омская академия МФД России

Аннотация. *Западная цивилизация представляет в современном мире одно из пространств, на котором реализуются характерные только ей черты, определяющие ее особенности. Реализация присущих только для нее черт, обеспечивает ей на протяжении более чем 500 лет, авангардное место в системе мировых цивилизационных процессов. Знание этих особенностей позволяет лучше понять Запад его успехи и поражения.*

Ключевые слова: *цивилизация, Запад, западный человек, свобода, либерализм, рынок, частная собственность, закон, конкуренция.*

В современной гуманитарной науке анализ развития общественных процессов, в основном рассматривается с позиций двух основных направлений: во-первых, это учение К. Маркса об общественно-экономической формации, и, во-вторых, цивилизационного подхода, видными представителями которого являются русских ученый Н. Я. Данилевский, англичанин А. Тойнби и американец С. Хантингтон.

К. Маркс в основу своего учения положил анализ способа производства на разных этапах развития человеческого общества. Диалектика взаимодействия производительных сил и производственных отношений определяет основу противоречий в обществе, на основании которых и происходит смена общественных формаций. Производительные силы, люди с их навыками, средства производства, технологии, наука, перерастают форму производственных отношений, отношений между людьми по поводу производства, результатом этого противоречия является социальная революция, которая рвет старые производственные отношения и устанавливает новые. Так на смену одной общественно-экономической формации приходит другая, которая обеспечивает более быстрый рост всех сфер общества [1, с. 5–152].

Цивилизационный подход рассматривает процесс развития общества с кардинально противоположной стороны. Так Н. Данилевский утверждает, что линейного развития человеческой цивилизации нет, человечество развивается

как совокупность отдельных, самобытных цивилизаций, которых он назвал «культурно-историческими типами» [2, с. 12–612]. А. Тойнби рассматривал цивилизацию как замкнутую систему общественных отношений, ядро которой составляет религия, и территориальное пространство которое она контролирует. По сути это целостная система, которая и определяет функционирование всех подсистем общества, экономику, социальную подсистему, политику и идеологию [3, 637с]. С. Хантингтон определял цивилизацию, как культурную общность высшего ранга, которая формирует определенную идентичность у людей определенной цивилизации. Для которой характерны не только свой язык, религия, обычаи, общественные институты, но и субъективная самоидентификация членов этой цивилизации [4, 571с.].

Каждый из исследователей выделял разное количество цивилизаций, Н. Данилевский – двенадцать, А. Тойнби – двадцать одну, С. Хантингтон – восемь, но каждый из них выделял, Западную цивилизацию как особенную, которая имеет свои черты и отличительные признаки от других. Географически Западная цивилизация включает в себя страны Западной, Северной и Центральной Европы, которых связывает наследие Древней Греции, Рима, и западное направление христианства – католицизмом и протестантизмом. Частью Западной цивилизации являются и государства Северной Америки, США, Канада, а также Австралия и Новая Зеландия граждане которых, в основном, составляют те иммигранты из Западной Европы, которые принесли на эти земли идентичность западного человека.

На становление Западной цивилизации в разные исторические периоды ее развития сыграли ряд факторов, которые определили ее уникальный характер. Во-первых, исчезновение внешней угрозы, которая бы радикальным образом изменила природу общества. После битвы при Туре в 732 году когда европейские рыцари отразили нашествие арабов, быть завоеванным каким-либо государством исчезла. Во-вторых, наследие античности, философии Древней Греции и права Древнего Рима. Развитие университетского образования и автономия университетов позволила европейской общественности познакомиться с идеями античности и суметь их материализовать в системе общественных отношений. Свобода, частная собственность, закон, равенство, индивидуализм, контроль общества над властью были приняты европейским обществом, как основа переустройства общественных отношений на новых основаниях, отказавшись от старых догм, навязываемы государством и церковью. В-третьих, влияние Реформации. Проходила духовная революция, а именно, переход от религиозного самоотречения к более ровному отношению с Богом. Протестантизм отношения человека с Богом рассматривает как своего рода договор основанный на рациональном восприятии высшей воли, однако договор здесь рассматривается не как юридическое соглашение с обменом заслуг на спасение, а взаимные

обязательства и доверие в рамках завета. Рациональность определяет ту сторону бытия человека, что человек не просто слепо верит, а пытается понять волю Бога через осмысленное чтение Библии. Человек анализирует текст, соотносит его со своей жизнью и пытается жить в соответствии с истинами Священного Писания. Влияние протестантизма радикально изменило природу функционирования всех сфер общественной жизни западного общества.

Эти и ряд других факторов сформировали характерные черты, которые присущи только западной цивилизации. Продолжение изучения наследия прошлых веков, является необходимым условием развития общества, оно не просто изучает его, а стремится понять, осознать и найти возможности приложить к системе современных отношений тот исторический опыт, который можно переформатировать с целью рациональной выгоды. Опыт прошлого это источник поиска ответов на вызовы времени, в котором живет западный человек. Наука становится не только частью небольшого круга людей, научные знания востребованы обществом, она приобретает массовый характер, так как дает основания успешно представлять свои интересы в обществе и обеспечивать конкурентную победу на рынке. Рациональность западного человека радикально отличается от восточной последовательностью, давшей развитие математике, формальной логике, праву. Западная цивилизация, ядро которой составляют ее базовые ценности свобода, частная собственность, закон, придает обществу характер постоянного динамизма, который заставляет человека быть готовым отвечать на вызовы времени и обеспечивать движение вперед, успешно преодолевая конкуренцию в обществе. Постоянные изменения в системе общественных отношений на протяжении одного поколения, требуют от новых поколений поиска нестандартных решений, которые бы обеспечивали динамизм в развитии общества и его конкурентную способность с мировым сообществом.

Глубокие изменения в западной цивилизации произошли в эпоху модерна, буржуазных революций в Европе и получения независимости США от колониальной зависимости Англии. Радикальные изменения проходили под лозунгом идей либерализма. Впервые идеи либерализма нашли свое отражение в «Декларации независимости США» 1776 года и идеях Великой Французской революции 1789 года. В этих документах зафиксированы основные принципы классического либерализма, которые легли в основу всех сторон жизни, радикально изменившего западноевропейское общество. Носителями новых идей выступил средний класс частных собственников, которому необходимо было решить ряд политических вопросов во взаимоотношении с государством, которые позволили бы ему обеспечить гарантии безопасности полученного в результате экономической деятельности капитала. Прежняя форма государственного устройства, монархия, не позволяла решить этот вопрос. Буржуазные революции в Европе XVI–XVIII вв. решали этот вопрос

на основе формирования договорного государства [5, с. 102–111]. Договорное государство выступает формой, в рамках которой реализуются следующие черты западной цивилизации.

Индивидуальная свобода и самоценность личности. Свобода выбора является основой в рамках которой воспитывается ответственность личности за конечный результат своего выбора Это невозможно без права на частную собственность, свободу слова и собраний, без ограничений государства вмешиваться в частную жизнь человека. Равенство всех граждан перед законом обеспечивает надежную гарантию для гражданина от произвола властей, снижение социальной напряженности в обществе, формирует правовое государство. Принцип разделения властей, система сдержек и противовесов позволяет не допустить сосредоточения власти в одной из ветвей власти и дает гарантии торжества закона в государстве. Народный суверенитет как источник власти, предполагает, что эти полномочия предоставлены не формальному носителю социальных качеств народу, а качественно новой социальной общности политической нации. Политическая нация – это сообщество свободных людей, имеющее независимые экономические источники своего существования, способное через институты гражданского общества обеспечить защиту своих прав перед государством, а также не только навязать ему свои интересы, но и поставить его под свой контроль. Политический плюрализм и законодательно закрепленное обязательство регулярной смены власти позволяют политической нации контролировать чиновников государства, обеспечивая при этом, воспитание гражданской ответственности у своих граждан за будущее своей страны.

В экономической области провозглашается неприкосновенность частной собственности, рынка, конкуренции, инноваций, модернизации. Реализация этой стороны либеральных отношений позволяет собственнику делать собственный выбор, ответственность за конечный результат в этих условия лежит на нем и не перекладывается на государство. Создаются предпосылки формирования творческой личности, с чувством собственного достоинства и с активной гражданской позицией.

Западный человек отличается от человека других цивилизаций и эту его сторону отмечали русские философы, сравнивая его с русским человеком. Н, Бердяев, например, отмечал, что западный человек замкнут в своем типе культуры, у него отсутствует интерес к другим культурам и способности их понять. В то же время они свою культуру рассматривают как высшее проявление человеческой цивилизации. «Уже по ту сторону Рейна,– писал Н. Бердяев,– для них начинается варварский мир, который, по их мнению, не является наследником греко-римской цивилизации». [6, с. 443–444]. Западная душа и западная вера.– это прежде всего и больше всего римско-католическая душа и римско – католическая вера: это она воспитывала душу и определяет веру западного человека и его культуру

Н. А. Ильин, рассматривая черты западного человека выделял следующие его особенности. Он писал, что для него характерно состояние первичного, вечного страха за свое настоящее и будущее. Он воспринимает мир как хаос и боится, что может сорваться, если он, западный человек, не будет его приводить в порядок. Западный человек видит в себе врага, боится поражений, жаждет власти и черствеет. У европейца – человек человеку волк, всяк за себя, всяк сам себе бог. Западный человек доволен, когда ему завидуют, и терпеть не может, чтобы его жалели,– это унижение. Поэтому он скрытен, притворяется, чопорен, чванлив и театрально надут. [7, с. 388–395].

Западная философия отмечает такие черты западного человека, во-первых, индивидуализм и субъективность, которые позволяют ему быть представленным в обществе как активным субъектом общественных процессов, способным воздействовать на происходящие события и разворачивать их, по мере необходимости в свою сторону. Во-вторых, материалистическая направленность, стремление человека обеспечить комфортную среду своего обитания и создавать предпосылки для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей. В – третьих, одиночество и отчуждение. Стремление к материальному благополучию приводит к ограничению контактов с другими субъектами общественных отношений, человек замыкается в своих проблемах, что и приводит к отчуждению от интересов общества.

Западная цивилизация представляет собой особый тип отношений между субъектами общества. Она сформировала свой уклад и своего человека, которые являются достижениями человечества.

Литература

1.Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения.– 2-е изд.– М.: Политиздат, 2001.– Т. 13.– С. 5–152

2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М., 2011. С 12–612.

3. Тойнби А. «Постижение истории: Избранное» (под ред. В. И. Уколовой и Д. Э. Харитоновича, пер. с англ. Е. Д. Жаркова).– М.: Айрис-Пресс: Рольф, 2001.– 637 с.

4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2014.– 571с.

5. А. Филиппов. Актуальность философии Гоббса. Статья первая. 2009, № 3. С. 102–111.

6. Бердяев Н. А. Самопознание // Бердяев Н. А. Сочинения / сост. и прим. Б. В. Яковлева.– М.: Раритет, 1997.– С. 443–444.

7. Ильин И. А. О национальном призвании России. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 373–395.

DOI 10.34660/INF.2026.22.68.221

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ПОВОРОТ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ЭПОХУ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ПЛЮРАЛИЗМА

Бекова Милана Абукаровна
аспирант
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Москва, Россия

Аннотация. *Статья посвящена социально-философскому анализу геокультурных изменений в системе международных отношений, обусловленных переходом к многополярному миропорядку. В работе обосновывается тезис о том, что на смену геополитической и геоэкономической парадигмам приходит геокультурная, где центральное место занимают вопросы цивилизационной идентичности и межкультурного диалога. Автор исследует эволюцию коммуникативных стратегий в условиях крушения либерального универсализма и доказывает необходимость переосмысления принципов международного взаимодействия на основе идей культурного плюрализма. Особое внимание уделяется анализу диалогической философии М. М. Бахтина и концепции культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского как теоретической основы для построения новой модели межцивилизационной коммуникации. В работе используются труды современных исследователей геокультуры и критической геополитики, рассматриваются практические аспекты реализации диалога культур в современной дипломатии.*

Ключевые слова: *геокультура; межкультурная коммуникация; многополярный мир; диалог цивилизаций; социальная философия; критическая геополитика; цивилизационная идентичность; культурный плюрализм.*

Переход от биполярной и последующей однополярной модели глобального устройства к многополярности знаменует собой не просто перераспределение центров экономического и военного влияния. Этот процесс представляет собой глубинный геокультурный сдвиг, затрагивающий сами основания международных отношений. Как отмечается в современных исследованиях, многополярный мир характеризуется не только множественностью центров

силы, но и активизацией цивилизационных идентичностей, каждая из которых претендует на собственный голос в глобальном дискурсе. В этих условиях традиционные геополитические и геоэкономические подходы, фокусирующиеся на территориальных и ресурсных аспектах, оказываются недостаточными для понимания новой реальности.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью социально-философского осмысления геокультурного измерения многополярности. Если прежде международные отношения во многом строились на универсалистских претензиях западной цивилизации, то сегодня мы становимся свидетелями кризиса этой парадигмы. Либеральный универсализм, долгое время служивший нормативной основой глобального управления, исчерпал свой потенциал, поскольку он не способен адекватно отразить ценностное многообразие незападных обществ. На смену ему приходит понимание мира как пространства полифонии культур, где каждая цивилизация обладает собственным, нередуцируемым способом бытия.

Цель данной работы – обосновать тезис о том, что геокультурный поворот в международных отношениях требует выработки новых коммуникативных стратегий, основанных на принципах диалога и взаимного признания, и проанализировать философские основания такого поворота. Гипотеза заключается в том, что эффективность межкультурной коммуникации в многополярном мире напрямую зависит от способности субъектов международных отношений преодолеть монологическую логику доминирования и перейти к диалогической модели взаимодействия.

Особую значимость для философского осмысления геокультурных процессов приобретает диалогическая философия М. М. Бахтина [2, с. 80]. Как подчеркивают исследователи, межкультурная коммуникация в своей сущности является диалогичной, а сознание имеет коммуникативную природу. Категория «Другого» у Бахтина становится ключевой для понимания межцивилизационного взаимодействия: признание инаковости не как угрозы, а как условия собственного бытия открывает путь к подлинному диалогу, в котором каждая культура сохраняет свой голос, но при этом участвует в создании общего смыслового пространства. Именно бахтинская диалогичность, как отмечается в литературе, составляет инвариантную характеристику эффективного межкультурного общения [2, с. 80].

Показательно, что философские основания многополярности были заложены задолго до ее практического оформления. В этом контексте показательно обращение к наследию Н. Я. Данилевского, который в своей работе «Россия и Европа» сформулировал концепцию культурно-исторических типов, утверждая, что прогресс заключается не в движении всех народов в одном направлении, а в том, чтобы «исходить все поле, составляющее поприще исторической

деятельности человечества, во всех направлениях» [3, с. 65]. Н. Я. Данилевский настаивал на множественности путей развития, отрицая правомерность сведения богатства мировой истории к наследию одной цивилизации [3, с. 70]. Этот подход созвучен современной идее многополярности как плюрализма субъектов-участников исторического процесса.

В современной теоретической литературе акцент смещается в сторону геокультурной парадигмы, которая восполняет лакуны геополитического и геоэкономического подходов. В отличие от последних, геокультура фокусируется на влиянии культурных, религиозных и цивилизационных факторов на характер международных отношений. Как отмечает Иммануил Валлерштейн, впервые введший этот термин, геокультура представляет собой тот культурный каркас, в рамках которого функционирует мир-система [6, с. 89]. Важно, что геокультурные стратегии активно используются государствами для укрепления своего влияния: «мягкая сила», апелляция к культурным символам и историческим нарративам становятся инструментами геокультурной политики. Примером может служить нарратив китайского «Шелкового пути», который не только имеет экономическое, но и глубокое культурно-цивилизационное измерение.

С точки зрения политической практики, геокультурный поворот означает пересмотр принципов международной дипломатии. Публичная дипломатия перестает быть простой трансляцией национальных нарративов и превращается в сложный процесс управления смыслами. Как отмечает Р. С. Захарна, в условиях разобщенного мира выделяются три коммуникативные логики публичной дипломатии: индивидуальная (самовыражение и трансляция), реляционная (эмпатия и установление связей) и холистическая (чувство взаимосвязи в динамичной реальности) [7, с. 427]. В многополярном мире способность переключаться между этими логиками становится ключевым дипломатическим навыком. Эффективная межкультурная коммуникация, таким образом, представляет собой не просто обмен информацией, а «со-бытие» культур, в котором формируется новое качество международных отношений.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что переход к многополярному миру сопровождается геокультурным поворотом в международных отношениях, требующим переосмысления их философских оснований. Монологическая модель гегемонии, основанная на универсализации одной системы ценностей, уступает место диалогической модели, где признание цивилизационного плюрализма становится условием устойчивого развития [5]. В этих условиях межкультурная коммуникация перестает быть второстепенным инструментом «мягкой силы» и превращается в конститутивный элемент новой политической реальности. Как показывают исследования, геокультурный подход позволяет выявить те глубинные социокультурные установки, ценности и мировоззренческие аспекты, в которых коренятся как конфликты, так и возможности для

сотрудничества. Дальнейшее развитие теории и практики межкультурной коммуникации в эпоху цивилизационного плюрализма сохраняет высокую теоретическую и практическую значимость, открывая перспективы для формирования более справедливого и стабильного миропорядка.

Список использованных источников

1. Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Ленинград: Просвещение, 1967. 268 с.

2. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80–160.

3. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Книга, 1991. 574 с.

4. Боголюбова Н. М., Николаева Ю. В. Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учеб. пособие. СПб.: СПбКО, 2009. 416 с.

5. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster, 1996. 367 p.

6. Wallerstein I. Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System. Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 242 p.

7. Zaharna R. S. New logics of public diplomacy in the disconnected world // Place Branding and Public Diplomacy. 2024. № 3. P. 427–429.

8. Tim S. Geocultural Power: China's Belt and Road Initiative and the Politics of Cultural Diplomacy // International Journal of Cultural Policy. 2019. Vol. 25, No. 5. P. 567–582.

9. Mapping multipolarity: soft and hard power in the digital age // Discover Global Society. 2025. November 27.

ЗАМЕТКИ

Научное издание

Высшая школа: научные исследования

Материалы Межвузовского международного конгресса
(г. Москва, 20 августа 2026 г.)

Научный редактор Д.Р. Хисматуллин
Корректор А.И. Николаева

Подписано в печать 20.08.2026 г. Формат 60x84/16.
Усл. печ.л. 5,50. Тираж 500 экз.

Отпечатано в редакционно-издательском центре
издательства Инфинити

